

Liberté,
Égalité,
Fraternité

Эдвард
РАДЗИНСКИЙ

ТАЙНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ
ИМПЕРИИ

Эдвард Станиславович Радзинский

Тайны Французской империи

Серия «Радзинский и цари»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66512432

Тайны Французской империи/Э.С. Радзинский: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-145220-9

Аннотация

В книгу вошли самые знаменитые произведения известного историка. «Берегитесь, боги жаждут!» – очерк времен Французской революции, которая так похожа на революцию русскую. «Прогулки с палачом» – роман, посвященный эпохе Террора. История Наполеона Бонапарта, который по его собственным словам, завершил Революцию.

Содержание

Две революции	5
Берегитесь, боги жаждут!	5
Часть I	5
Часть II	76
Часть III	131
Конец ознакомительного фрагмента.	199

Эдвард Радзинский **Тайны Французской** **империи**

© Радзинский Е.С., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Две революции

Берегитесь, боги жаждут!

Часть I

Через несколько лет после революции, в тысяча восемьсот третьем году, скончался Жан-Франсуа де Лагарп. Был он известным писателем и воинствующим атеистом в молодые годы. Но много претерпел в революцию и умер глубоко верующим человеком. В его бумагах после смерти нашли загадочный текст, весьма взволновавший Европу.

Это – воспоминание. Лагарп пишет о случае, произошедшем незадолго перед революцией. На приеме у одного из вельмож собралось блестящее общество – члены Академии: маркиз Кондорсе – знаменитый ученый, друг Вольтера, философ Шамфор, либеральнейший министр Мальзерб, множество блестящих и, главное, свободомыслящих людей (впрочем, тогда других и не было). Присутствовали и несколько красавиц. Красавицы в ту пору, чтобы быть модными, должны были быть умными... Так что и они принимали горячее участие в разговоре.

Беседовали о том, о чем тогда говорили повсюду – от последней лакейской до герцогских дворцов: о Вольтере, Дидро, Руссо, Монтескье. Все эти великие имена были тогда так же популярны, как сейчас имена известных футболистов. Издевались над ничтожным королем. Потом перешли к религии. Веселились. Цитировали «Девственницу» «бога неверия» Вольтера (как его тогда почтительно называли), вспоминали строчку Дидро «Кишкой последнего попа последнего царя удавим». Говорили о том, что после революции наступит Царство Разума, когда религия – тысячелетний пережиток – конечно же, исчезнет. Далее беседа зашла о неминуемой Революции. Радовались, что она свершится непременно, но и сокрушались – люди собрались заслуженные и немолодые. Их печалило, что великое Царство Разума, рожденное Революцией, им, увы, не увидеть...

И тут в разговор вступил Казот. Это имя тогда было на слуху. Автор очень популярного мистического романа «Влюбленный дьявол». Но, главное, за Казотом тянулась темная слава предсказателя. Говорили, будто после «Влюбленного дьявола» и начались его пророческие видения. Казот сказал:

– Господа, спешу вас обрадовать: вы все увидите великую Революцию, о которой так мечтаете... Но знаете ли вы, что произойдет после Революции со всеми вами... точнее, почти со всеми? – Здесь он вдруг замолчал.

Маркиз Кондорсе улыбнулся:

– Ну, что же вы остановились? Ученому интересно выслушать прорицателя...

Но Казот все колебался. Наконец, не без усилия, начал:

– Вы, господин Кондорсе, закончите свою жизнь на каменном полу тюрьмы. Вы умрете от яда, который вы, как и многие в долгожданном Царстве Разума, вынуждены будете постоянно носить с собой. Вы примете яд, чтобы избежать встречи с палачом... А вы, господин Шамфор, зарежете самого себя – по той же причине... А вот вы, господин Мальзерб, встретите смерть на эшафоте. И вы... и вы... – он перечислял знаменитые имена сидевших в зале, – все на эшафоте!

*Луи-Ролан Тринкесс. Ухаживание. Частная коллекция.
XVIII в.*

Наступило молчание.

– Ах, какие напасти! Вот что значит заниматься политикой! Насколько мы, женщины, счастливее вас, мужчин, – к политике мы непричастны, ни за что не отвечаем, и потому наш пол... – засмеялась герцогиня де Граммон, пытаясь обратить все сказанное в шутку.

*Маркиз Кондорсе. Жан-Батист Грез.
XVIII в. Версаль*

Жак Казот. Жан-Батист Перронно.

1760 г. Лондонская национальная галерея

– ...Ваш пол, сударыня, – резко прервал ее Казот, – не сможет послужить вам защитой. И как бы мало ни были вы причастны к политике, вас, герцогиня, постигнет участь мужчин. Вас тоже повезут на эшафот... И вас... и вас... и вас... – Он называл имена присутствующих красавиц.

Одна из дам не выдержала:

– Какие ужасы вы нам рассказываете! Что произойдет? Нашу прекрасную родину захватят варвары?

– Нет, – ответил Казот. – Люди, которые отправят всех на смерть, будут такие же поклонники философии, как мы с вами. Они будут произносить те же речи о религии, свободе и Царстве Разума, как мы с вами, но при этом убивать, убивать, убивать!

– Надеюсь, меня отправят в скорбное путешествие в моей новой карете! – Герцогиня де Граммон все еще пыталась обратить в шутку слова Казота.

– Карета? Ну что вы, герцогиня! – как-то монотонно ответил Казот. – Никакой кареты не будет! Телега! Телега палача повезет вас всех на эшафот... В карете на эшафот поедет только он один.

– Да кто же этот счастливец?

– Король Франции, – ответил Казот.

– Но это переходит всякие границы! – воскликнул поспешно хозяин.

Чтение трагедии Вольтера «Китайский сирота» в салоне мадам Жоффрен.

Анисе Шарль Габриэль Лемонье. 1812 г. Фрагмент

Но герцогиня продолжала:

– Но что ж вы ничего не сказали о своей участи, господин мрачнейший пророк?

Некоторое время Казот молчал. Потом сказал:

– Я могу ответить только словами Иосифа Флавия, описывающего осаду Иерусалима: «Горе Сиону! Горе и мне!»... Я вижу себя на том же эшафоте, сударыня.

После этого он встал, учтиво поклонился и ушел.

Были ли это реальные воспоминания? Мы с вами, как люди здравомыслящие, предпочтем считать, что это беллетристика. Маленькая новелла в форме воспоминания, всего лишь фантазия писателя.

Впрочем, это не важно, ибо в это время было столько реальных, воистину грозных предзнаменований.

Героиней нашей истории – и одной из главных причин грядущего мирового политического потрясения – станет австрийская принцесса Мария-Антуанетта.

Родилась она *второго ноября* 1755 года. Крестить ее должны были португальские король и королева. Но они не приехали. Потому что за день до этого, *первого ноября*, произошло землетрясение в Португалии, похожее на конец света. Погибло более девяноста тысяч человек. С тех пор ничего подобного в Европе не происходило!..

Мария-Антуанетта вышла замуж за наследника престола

Франции, впоследствии короля Людовика Шестнадцатого.

По случаю бракосочетания состоялись празднества и великолепный фейерверк. На площади, которая тогда называлась площадью «Людовика, возлюбленного народом» (король как-то насмешливо спросил: «Интересно, за что они меня так полюбили?»), собрались тысячные толпы. И петарды стали падать на модные многоярусные прически женщин. Волосы загорались. Началась паника, толпа побежала. На ее пути оказались незасыпанные рвы – как у нас на Ходынском поле.

Эрцгерцогиня Мария-Антония Австрийская, будущая Мария-Антуанетта. 1769 г. Жозеф Дюкре. Версаль

И точно так же, как на Ходынском поле, погибло множество людей. И как у нас после Ходынки, это кровавое действо стало считаться в народе грозным предзнаменованием.

Но самым печальным предзнаменованием был сам Людовик Шестнадцатый.

Представьте его предшественников: Людовик Четырнадцатый – красавец, великий король, Король-солнце, Людовик Пятнадцатый – «самый красивый монарх в Европе», как писал Казанова...

Людовик XVI. Антуан-Франсуа Колле. 1786 г. Музей Карнавала

И после них – неловкий, некрасивый, с брюшком Людовик Шестнадцатый. В нем ничего королевского. Ничего ари-

стократического – типичный толстый буржуа!

Но, главное, ведет себя этот буржуа поистине вызывающе – он верен жене! И это французский король!

Была нерушимая вековая традиция французских королей. Традиции надо чтить и беречь!

Людовик Четырнадцатый. Добрый французский народ мало интересовался его супругой-королевой, но про главных фавориток знали все и все! Я не пытаюсь перечислять этих красавиц, ибо для этого не хватит и толстого тома.

Но добрый французский народ знал их имена и радовался утехам своего могучего короля!

Когда пепельную блондинку Луизу де Лавальер сменила пылкая брюнетка мадам де Монтеспан, король прибыл в свою победоносную армию в одной карете с обеими красавицами! Армия восторженными криками приветствовала такую наглядную передачу любовной эстафеты.

Некоторые историки справедливо делят царствование французских королей по именам их славных фавориток. Ведь порой эти дамы управляли не только сердцами королей – они правили целой эпохой.

К примеру – Людовик Пятнадцатый. После череды прекрасных дам в его сердце воцарилась мадам де Помпадур – воистину фаворитка-эпоха. Мадам де Помпадур дала свое имя целому стилю – мебели, гобеленам, туалетам и прочему.

А как она распорядилась министрами! А как заботилась о любимом! Когда постаревший король начал сдавать на любовном ристалище, тотчас пришла на помощь. Для пробуждения угасшей чувственности дорогого монарха заботливо устроила для него гарем из юных девственниц.

Когда Людовик, потерпев сокрушительное поражение на войне, наконец-то задумался о будущем Франции, она сказала фразу воистину любящей женщины:

«Ах, сир, после нас – хоть потоп!»

Как разнообразны были любовные вкусы прежних Людовиков. После утонченной аристократки мадам де Помпадур фавориткой стала шлюха! Король стыдливо сделал ее графиней Дюбарри. И она заслужила свой титул. После ночи с Дюбарри монарх, обладавший величайшим опытом в галантном деле, вынужден был признать: «Я знал об этом далеко-далеко-далеко не все!»

Маркиза де Помпадур. Морис Кантен Делатур. XVIII в.

Какие драгоценности покупал ей благодарный государь! Как умело шлюха-графиня разоряла французскую казну! Но народ понимал и принимал эту ситуацию – на то она и фаворитка!

И страна радостно запела:

«Ах, плутовка, ах плутовка,
старого развратника
распалила ловко».

И вот теперь на престоле был король, посмевающий не иметь фаворитки!

Более того!

Людовик вступил на престол в двадцать лет, его жене было девятнадцать. С точки зрения добродетельных буржуа, чем должна заниматься молодая жена? Прежде всего слушаться мужа и беречь деньги.

Но что наблюдает изумленная страна? Во дворце – сумасшедший дом, жена – мотовка! Девятнадцатилетняя королева смеет разорять своими тратами французскую казну! То есть смеет играть роль фаворитки! А муж слушается жену и потворствует всем ее безумным прихотям.

Каждое утро королеву навещает знаменитая модистка мадам Бертен, и уже одно это – грубое нарушение этикета.

Низкое происхождение модистки не позволяет ей присутствовать при туалете королевы. Но она приходит со множеством кусочков разноцветной материи. После долгой дискуссии, выбрав цвет, они начинают разрабатывать туалет – будто подготавливают сражение. Ни одного дня без нового туалета! И каждый обходится казне... Да что туалеты! Все знаменитые драгоценности скупаются молодой мотовкой. Да что драгоценности!.. Прически!

И сейчас есть фраза: «Женщина может простить все, кроме испорченной прически». Тогда эти слова были реальностью – прическа стоила порой больше поместья. Посмейте испортить!

Это были гигантские, часто тематические сооружения. Например, герцогиня Орлеанская родила. Она решает оповестить всех о своей радости. И знаменитый парикмахер воздвигает на ее голове прическу, которую украшают фигурки – кормилица с младенцем, любимый слуга-эфиоп и сама роженица!

*Людовик XV и мадам Дюбарри. Дьюла Бенцур. 1874 г.
Венгерская национальная галерея*

Или две дамы повздорили – не поделили кавалера, и одна из них решает объявить войну сопернице, Она приходит на бал в прическе «Берегись, мерзавка!» – на ее голове два дуэлянта скрестили шпаги.

Разорительница Антуанетта носила прически высотой с нее саму. Отправляясь на бал, она сидела в карете на полу. Во дворце, когда устраивали бал, поднимали притолоку.

Но юная королева – новатор моды. Гигантские нагромождения на голове вскоре ей наскучили. И она ввела дерзкую моду молодых – лаконичную прическу с разноцветными перьями. «Новое поколение выберет перья!»... Сколько стоили эти перья!

Но главная опасность таилась в другом. Предыдущий король правил целых шестьдесят лет. Двор очень постарел.

А у девятнадцатилетней королевы отвращение к старости. Старость безобразна и медленна. Королева обожает красоту, движение и танцы. Старость рано засыпает, скаредна, любит философствовать и читать толстые фолианты. Но она не прочла ни одной книги и ненавидит скучные разговоры...

И Антуанетта начинает окружать себя молодым двором, что не очень приветствуют знатные старые фрейлины. Самой приближенной стала герцогиня де Ламбаль – молодая красавица-вдова из родовитой семьи. Двору Антуанетты приходится ее принять.

Но дальше происходит совсем печальное...

Королева буквально влюбляется в некую Жюли де Полиньяк, миниатюрную красотку с лазоревыми глазами. Ламбаль отставлена, королева и Жюли теперь неразлучны. Беда

в том, что кроме томных лазоревых глаз у Жюли нет ничего – бедна, как церковная крыса! Антуанетта счастлива облагодетельствовать фаворитку, буквально осыпает Полиньяк деньгами. Если бы ее одну! «Полиньячка», как злобно зовет ее двор, окружена большой и нищей семьей. Антуанетта требует, и король безропотно дает всей своре деньги, должности, новые титулы.

Документы сохранили фантастические цифры – восемьсот тысяч ливров на приданое двенадцатилетней дочери, пятьсот тысяч – на покрытие долгов семейства, а партаменты в Версале со множеством комнат... Графиня Жюли теперь герцогиня. Дождь благодеяний!

Жюли де Полиньяк. Элизабет Виже-Лебрен. 1782 г. Версаль

Двор не понимает рабского подчинения короля этим безумным прихотям королевы.

Дальше еще хуже.

У королевы главный девиз – «развлекайтесь!». Ночью, когда Его Величество в королевской спальне в Версале мирно отходит ко сну, Антуанетта, окруженная сворой молодежи (друзья все той же Полиньячки), отправляется в Париж. Она танцует на балах в Парижской Опере – под маской. Но все отлично знают, кто эта грациозная маска, окруженная молодежью и охраной. Начинается ропот при дворе, слухи выходят на улицу. Появляются первые грязные памфлеты, весьма фривольно изображающие ее отношения с Полиньячкой...

В это время Антуанетта затеяла революцию в Версале.

В Версале, кроме короля, был еще один правитель, и воистину могущественный – Этикет. Это правила поведения в королевском дворце, которые нарушать нельзя. При дворе так жили столетиями. Вся жизнь полубога-короля должна проходить на глазах придворных. Самодержец, которому принадлежит Франция, не принадлежит самому себе! Его пробуждение, завтрак, обед, отход ко сну – все на виду у всех и все по расписанным правилам Этикета. Только в русской пословице король ходит в туалет один. Людовик Четырнадцатый

дцатый Король-солнце справлял большую нужду в присутствии вельмож и обсуждал в это время политические вопросы. Приглашение в туалет на это действие было подтверждением значения придворного.

Антуанетта также должна была стать предметом поклонения по правилам Этикета – принадлежать двору, не принадлежа себе. Она познакомилась с могущественным Этикетом в первые свои дни во Франции. В тот день в Версале выпал снег, и Антуанетта, дрожа от холода, попросила принести теплую сорочку. Сорочку принесли, но... Младшая камеристка, принеся сорочку, передала ее старшей камеристке. Старшая приготовилась надеть ее на застывшую от холода королеву, однако в этот момент вошла герцогиня Орлеанская... и теперь несчастной Антуанетте сорочки не видать! Сорочку следовало передать герцогине Орлеанской (младшая ветвь Бурбонов), и уже она протягивает ее королеве... Но опять не тут-то было! В спальню в этот миг вошла сестра короля Елизавета. И мимо рук королевы сорочка тотчас отправилась к ней. Стуча зубами, Антуанетта разрыдалась. Она подумала, что над нею издеваются. Но это оказался – Этикет французского двора!

Все это Антуанетта насмешливо описала матери. И мать ее, великая австрийская императрица Мария-Терезия, ответила:

«Я тоже чувствую скуку и пустоту представительства, но

это – обязанность. Поверь, пренебрежение ею может повлечь за собой серьезные неприятности, куда более существенные, чем эти маленькие неудобства, особенно у французов, такой темпераментной нации».

И Антуанетта придумала, как избавиться разом и от старого двора, и от помпезного Версаля с ненавистным Этикетом.

Антуанетта просит у короля подарок – **Трианон**.

Маленький элегантный дворец, который Людовик Пятнадцатый построил для своих встреч с возлюбленными. Он так и назывался – Замок Удовольствий.

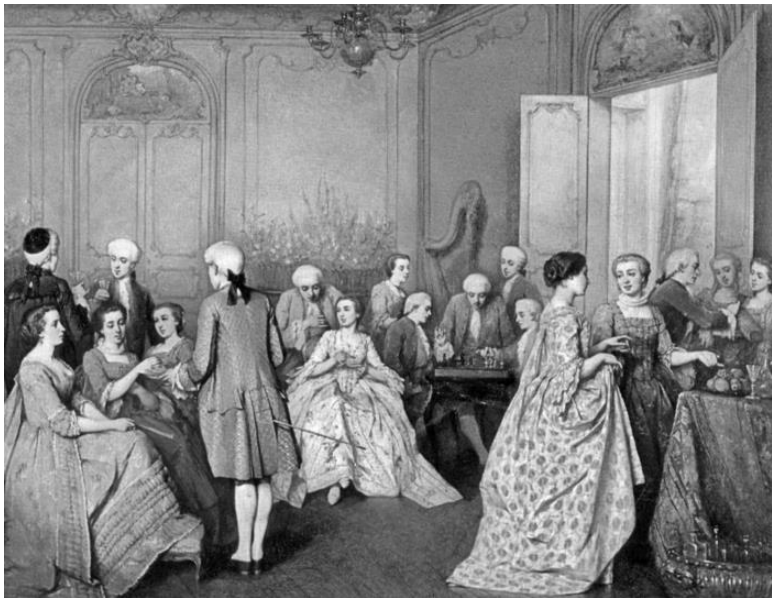
Король безропотно дарит ей Трианон, который окончательно разорит французскую казну.

Маленькая грациозная Антуанетта решила создать здесь свой мир. Во дворце всего семь комнат, но этого достаточно... чтобы истратить миллионы. Она перестраивает комнаты, продумывает все – от мраморных каминов, венецианских зеркал, потайной комнаты до бронзовых дверных ручек со своим вензелем.

Она заказывает великолепную миниатюрную мебель и занавеси. В Трианоне не будет версальской парчи, тяжелого бархата, пурпура. Здесь одни легкие ткани и восхитительные блеклые и нежные цвета – цвета теряющей силу монархии.

Знаменитые ландшафтные архитекторы создают самое дорогое для ее сердца и для французской казны – восхитительнейший парк. Если в Версале – стриженные газоны, стриженные кусты, деревья, похожие на гвардейцев, и множество мраморных статуй, то в ее парке царствует природа. Так учит модный Руссо, которого она не читала.

Здесь нет скучных прямых аллей, здесь все естественное. Точнее, копии естественного. Между деревьями течет, извиваясь, трогательный сельский ручеек. Но воду в него вели по трубам из расположенного за много километров замка Марли.

Придворная сцена. Неизвестный художник. XIX в.

Рукотворное озеро с островком посередине, будто бы созданное самой природой. И грот, и античные руины, и небольшой божественный храм Аполлона, где Амур из мраморной палицы Геркулеса строгал любовные стрелы; деревья и цветы, растущие в Африке, Индии и по всей Европе. Весь этот пир природы и красоты вместил ее парк площадью всего в два с небольшим квадратных километра.

Вот эти два квадратных километра и разгромили оконча-

тельно богатейшую казну Европы.

Неоценимый вклад в этот разгром внесла знаменитая Деревушка.

В Деревушке воистину царствует сельская идиллия, божественная простота, как ее представляла королева. Крестьяне и крестьянки, одетые в прелестные народные одежды со старинных гравюр, пасли маленьких коровок, украшенных цветными бантиками. Белоснежные лебеди плавали по небольшому озеру, задумчиво вертелось колесо старинной голландской мельницы... И прелестные маленькие хижинки с художественно облупленными стенами – здесь живут эти нарядные крестьяне.

Но главное – все вокруг соразмерно хозяйке. Миниатюрная Антуанетта, миниатюрный дворец, миниатюрный парк, миниатюрная деревушка, миниатюрные коровы... Все так гармонично!

Она «спаслась здесь» (ее слова) от грандиозности Версаля и тупой неумолимости Этикета.

Но она оставит в Версале не только Экетет. Она бросила там свой двор – многочисленных старых дам из знаменитейших фамилий Франции. Они сидели без дела во дворце и ненавидели ее!

Антуанетта превратила Трианон в маленькое суверенное государство, где правили Развлечение, Галантность и она сама – Королева Рококо. Здесь вместе с нею веселятся «наши» – так она называет свое окружение (и так же будет звать

свое окружение последняя российская царица). Никто без приглашения Антуанетты не может появиться в ее царстве. Только некий господин!

*Императрица Мария-Терезия. Мартин ван Майтенс.
1750 г.*

Над миниатюрным озером поставили вышку. В ней – дорный. Его задача вовремя сообщить о приходе этого очень скучного господина, которого приходится терпеть «нашим». Господин появляется один, молча сидит с нею и ее веселыми молодыми друзьями – он не знает, о чем с ними говорить и что ему делать. Он ничего не умеет – ни танцевать, ни рассказывать пикантные истории, ни играть в карты. Помолчав некоторое время, господин уходит.

Этот докучливый гость – король Франции, которого Антуанетта в письмах к матери называла «наш бедняга».

Мать написала ей испуганно:

«Горе стране, где короля смеют называть беднягой».

Да, король – очень добрый человек. Но не забудем слов Наполеона:

«Когда мне говорят, что в стране правит добрый король, я говорю: какое неудачное у них правление».

Что же касается королевы... Молодая красавица, ненавидящая старость, законодательница моды, великолепная мотовка, демократка, презирующая королевские традиции, посещающая скандальные ночные балы, не прочитавшая ни од-

ной книги... Сейчас она была бы обожаема народом, стала бы новой принцессой Дианой!

Но в век просвещения ее презирал авангард Нации. Трианон завершил дело – поссорил ее и с аристократией, и с буржуа, и с простым народом.

Ибо там, за высокой стеной ее чудо-дворца, – нищие деревни, разоренные беспощадными налогами, и буржуа, ненавидящие мотовку-королеву.

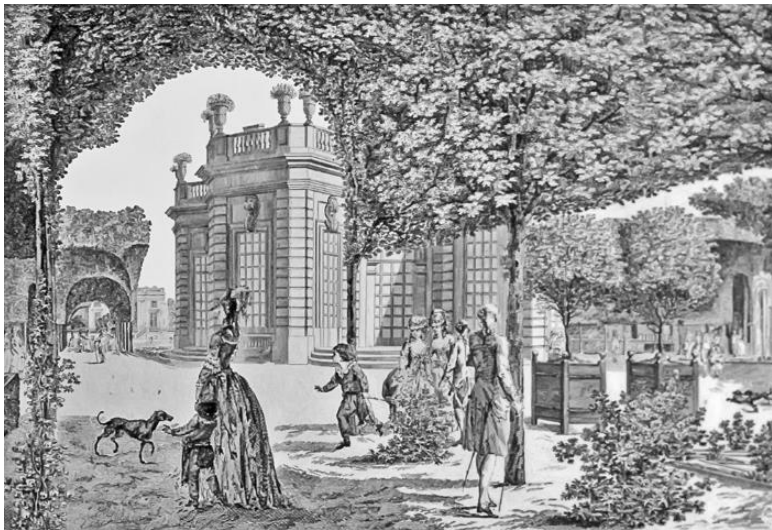
Когда король впервые посмел сообщить ей о жалобах на налоги, она ответила весело:

– Объясните этим господам: монархия – очень красивая, но очень дорогая вещь. Пусть платят!

И они платили. Пока.

В стране начинает создаваться мощная оппозиция. Как уже не раз бывало во Франции, вождем ее становится аристократия.

Вождь аристократической оппозиции – принц крови, блестящий представитель младшей ветви Бурбонов, герцог Филипп Орлеанский.

Мария-Антуанетта с детьми и графиней Полиньяк в Трианоне. Неизвестный художник. XIX в.

Но мы с вами в галантном веке. И для того, чтобы герцог Орлеанский стал главой оппозиции, нужна была дама.

В отличие от Людовика Шестнадцатого, герцог был истинным Бурбоном, то есть жил по закону предков – дам менял беспрестанно. Пока не появилась *она*...

Графиня де Жанлис была воспитательницей его детей. Но вместе с детьми она начала успешно воспитывать самого герцога Орлеанского.

Когда он стал ее любовником, она ввела его в мир Руссо,

Вольтера, просветителей.

Теперь герцог Орлеанский преисполнен самых передовых идей века. Он стал до того продвинутым господином, что, как тогдашние крутые молодые люди, сделал татуировку. Впервые в истории Бурбонов! На татуировке ее инициалы – Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графиня де Жанлис – и изображение сердца.

Когда графиня увидела это чудо искусства на теле любимого, как писал современник, «она растроганно прослезилась!». И моментально сделала подобную татуировку – инициалы герцога возле пронзенного сердца. Правда, вырезала она ее... на дереве в дворцовом парке.

Графиня де Жанлис. Сегодня это имя мало о чем говорит. Но поверьте, во времена Пушкина оно было известно всякому просвещенному человеку. Ибо в отличие от любовника-герцога мадам де Жанлис проживет долго и станет одной из самых популярных писательниц Европы.

Но это потом... А сейчас она продолжает успешно воспитывать герцога.

Она знакомит его с французскими масонами. С ней и с ними герцог впервые задумался о троне. Действительно, почему его занимает этот жалкий толстяк, подкаблучник, если рядом другой Бурбон, достойнейший?!

Герцог начинает действовать...

Отец подарил ему Пале-Рояль – дворец, построенный великим кардиналом Ришелье. Вокруг дворца – огромный парк. Герцог (и, конечно, графиня де Жанлис) поняли, что нужно делать.

Герцог создает «клуб под открытым небом». Он строит ту самую колоннаду, которую мы видим и сейчас. И в этой колоннаде, несмотря на возмущение родителей, несмотря на гнев стариков-аристократов, наш передовой герцог продает места лавочникам и трактирщикам. Здесь открываются дорогие лавки, знаменитые рестораны и кофейни.

Герцог Орлеанский. Джошуа Рейнольдс. 1779 г. Музей Конде

Они тотчас превращаются в центры общественной жизни и оппозиции. Пале-Рояль становится самым модным местом Парижа.

Теперь в аллеях Пале-Рояля под столетними деревьями разгуливают аристократки и дамы легкого поведения. Последних мы вскоре увидим в деле. Нет-нет, не в кровати – на другом поприще, революционном!

Из этого воистину культового местечка начинает распространяться множество памфлетов о Марии-Антуанетте. Здесь есть кому сочинять: это будущая писательница – графиня и новый секретарь герцога – месье Шодерло де Лакло, автор знаменитых «Опасных связей», великий мастер галантных историй! Короче, золотые перья Франции!

Памфлетами зачитывается страна! Антуанетте приписывают главных дон жуанов Франции – герцога Лозена и брата короля, графа д'Артуа... И, конечно, описывается лесбийский роман с Жюли Полиньяк.

Толпа жадно глотает эти истории.

Конечно, Антуанетта, бездумно исполняющая все прихоти Полиньяк, щедро давала поводы для памфлетов. Но и в России перед семнадцатым годом нашей императрице, цели-

ком посвятившей себя семье... также припишут любовницу – Вырубову! И генеральша Богданович, державшая самый модный аристократический салон, в своем дневнике писала, что Зилотти (знаменитый музыкант) рассказывал: Николай очень нервничает, потому что не понимает подозрительных отношений царицы с Вырубовой. И будто бы после крушения царской яхты (это произошло на отдыхе в шхерах) царица легла в одну постель с Вырубовой...

*Графиня де Жанлис. Аделаида Лабиль-Жирар. 1790 г.
Музей искусств Лос-Анджелеса*

Революции, как мы не раз еще убедимся, учатся друг у друга.

Мать Антуанетты, великая императрица Мария-Терезия, не могла больше терпеть – во дворце в Вене получают подробные отчеты из Парижа. Мария-Терезия, опытный политик, чувствует – обстановка в Париже накаляется. Она понимает, чем все это может кончиться.

И решает послать к Антуанетте сына.

Старший брат Марии-Антуанетты Иосиф – соправитель матери, один из трех самых блестящих европейских владык. Читайте замечательную переписку Иосифа с Екатериной и Фридрихом! Как наша Екатерина и прусский король Фридрих Великий, он был верным поклонником идей Просвещения. Но как и они, больше на бумаге.

Иосиф приезжает в Париж. Ему приготовлены роскошные покои, но он останавливается в скромном доме, демонстрируя сестре, как бережлив должен быть монарх.

От этого визита остались его письма к матери о беседах с Антуанеттой.

Он внушал ей: «Ты уже не ребенок. Неужели ты не понимаешь, что происходит? Твой муж в Версале ложится спать. Ты под маской мчишься в Оперу, окруженная сволочью. И

ты думаешь, что хоть кто-нибудь не знает, кто скрывается под этой маской? Если бы ты слышала, что болтают о тебе! Я произносить при тебе не могу то, что говорят о тебе вслух!» И еще: «Как ты, не прочитавшая ни одной книги, смеешь спорить с мужем и вмешиваться в дела управления государством?!»

Он терпеливо объяснет ей, как надо обращаться с мужем, не блещущим умом и талантами. «Не возвышай себя при нем». «Подавляй всякое желание блеснуть». «Молчи о его слабостях, заставляй молчать о них и других». «Не надо острить при нем, и не дай бог острить по его поводу». И так далее...

Но главное – прогнать от себя «сволочь»!

Мария-Антуанетта с удовольствием слушает поучения любимого брата. Но Иосиф уже понял ее характер: как только он уедет, все будет по-старому. Безумная в жажде развлечений, она, конечно же, сохранит «сволочь» – блестящих молодых проходимцев, «наших».

Поэтому их беседы закончились страшным письмом Иосифа:

«Тырываешь мне сердце. Я трепещу за тебя... Пойми, наконец, так далее продолжаться не может. Ты должна, обязана все переменить».

И далее строчка, которую ей придется понять всего через десять лет – «Революция будет жесткой».

Людовик XVI раздает милостыню крестьянам. Неизвестный художник XIX в.

Но главный разговор был у Иосифа с королем. Для этого разговора он прежде всего и приехал...

Прошло семь лет с тех пор, как его сестра вышла замуж. Но стрелу Амура король в цель так и не послал. Семь лет Антуанетта оставалась девственницей. Как секретно доносил в Вену австрийский посол, у короля была проблема с крайней плотью и движения любви причиняли ему нестерпимую боль. Но «заторможенный», как его называли недруги, стеснялся что-нибудь предпринять и избегал говорить с ней об этом.

Вот почему несчастный Людовик, чувствуя вину перед супругой, прощал ей все – невозможные траты, безумное поведение. Это была его плата за ее постыдное положение.

Семь лет муки в королевской постели! Вот откуда ее постоянная нервность, экзальтированность, бешенство в развлечениях, жажда куда-то ехать, что-то делать, как-то забыться...

Молоденькие дамы – подруги, входившие в круг «наших», за эти семь лет вышли замуж, родили, обзавелись любовниками, поменяли их не один раз – они пылали, любили, страдали. И она выслушивала их тайны, их страсти... А сама оставалась по-прежнему в постылой постели, со своей тайной.

При этом Антуанетту окружали самые блестящие мужчины, все время пытавшиеся ее соблазнить. Не было большей мечты... чем сделать рогатым ничтожного короля. И его младший брат, красавец граф д'Артуа, и первый дон жуан

королевства, воспетый Цветаевой, герцог Лозен – участники этого постоянного любовного преследования.

Сам Лозен описал: Антуанетта сходит с кареты, тогда он ловко бросается на землю у подножки и... становится ступенькой, на которую Антуанетта вынуждена наступить. А он... Он успевает поцеловать в этот миг восхитительную крохотную ножку.

Лозен описал и жутковатую сцену.

Мария-Антуанетта, Людовик XVI и Иосиф II. Йозеф Хотцингер. 1776 г. Музей истории искусств

Разговаривая с нею, он приблизился к ней вплотную, он видит, как она взволнована, как горит ее лицо, и вдруг она сама... порывисто обнимает его и, рыдая, убегает!

Перед разговором с королем Иосиф поговорил начистоту с Антуанеттой – о «стреле Амура». Он с изумлением и радостью понял: все, что писалось о сестре, все постыдные слухи – ложь. Несмотря на круг «сволочи», она добродетельна и – самое поразительное – по-прежнему невинна!

После чего Иосиф по-мужски поговорил с королем.

Король решился! Маленькая операция прошла успешно... Людовик исполнил свой долг – долгожданная стрела попала в цель. Антуанетта родила двух сыновей, один из которых умрет. И двух дочерей, одна из которых также умрет (дети тогда умирали часто, и в королевских семьях тоже). Но младший сын и сестра выжили. Королева обожала дофина, нежно любила дочь – она оказалась прекрасной матерью.

Антуанетта перестала ездить по ночам в Париж, но придумала новое развлечение.

В Трианоне был построен изящный миниатюрный театр. И здесь Королева впервые вышла на сцену.

Дофин. Элизабет Виже-Лебрэн. XVIII в. Лувр

С профессией актрисы она справилась куда удачней, чем с профессией королевы. Она справедливо отказывалась играть величественных королей, будучи прирожденной гранд-кокет (актрисой на роли молоденьких кокеток, сводящих с ума мужчин). Ей захотелось сыграть Розину в «Севильском

цирюльнике». Помните ее описание? «Прехорошенькое, обворожительное существо, крохотная ножка, тонкий стан и алый ротик». Ну кто кроме нее был рожден для этой роли? А если «обворожительное существо» наденет восхитительное простенькое платьице, которое сотворит великая модистка мадам Бертен?..

В это время другая пьеса Бомарше – «Женитьба Фигаро» – была запрещена.

Людовик сказал: «Этот человек смеется над всем, что нам следует уважать и почитать».

Но негоже королеве играть пьесы запрещенного автора...

Бомарше. Жан-Огюст Грез. Копия XIX в. Версаль

В Трианоне напротив дворца стоит прелестный летний павильон. В этом павильоне она встречалась с автором – обещала ему и исполнила свое обещание. Антуанетта, Жюли Полиньяк и кружок «наших» дружно нажали на Людовика, и король в очередной раз сдался. Он разрешил «Женитьбу Фигаро».

Кареты выстроились вдоль Сены. У недавно построенного великолепного театра «Одеон» – толпа и невиданная давка. Буквально ломали двери в театр, все рвались увидеть запрещенное.

Триумфальное представление состоялось. Зал, набитый аристократией, неистово аплодировал репликам насмешника Фигаро.

А каковы были реплики!

«Вы дали себе труд родиться, только и всего».

«Все вокруг меня хапали, а честности требовали от меня одного...»

«Иметь, и брать, и требовать еще – вот формула из трех заветных правил!»

«Требовался счетовод, и посему на это место взяли танцора»...

Каждая реплика – гром оваций!

Король был в бешенстве. Этот несчастный не смог понять,

что слышал голос страны. Страны, стоявшей у края бездны. Это было последнее предупреждение. Как справедливо сказал Наполеон: «Фигаро – это уже Революция в действии!» Но король услышал только крамолу!

Антуанетта начала репетировать Розину – свою лучшую роль в театре Трианона.

Бомарше в пьесе придумал забавную интригу. Но, репетируя на сцене, Антуанетта не знала, какую интригу ее заставят сыграть в жизни.

Во время репетиций разыгралась другая пьеса, героиней которой стала сама Антуанетта.

Это была знаменитая история с «ожерельем королевы»...

Ожерелье королевы. Реконструкция

Самое дорогое ожерелье в мире французские ювелиры создали для любовницы Людовика Пятнадцатого графини Дюбарри. Но продать они не успели – король умер. И ожерелье уже никто не смог купить. Даже она – первая мотовка Франции – не посмела просить Людовика об этом. Ожерелье осталось у ювелиров.

И тогда авантюристка Де ла Мотт, любовница кардинала Луи де Рогана, придумала, как похитить ожерелье. Кардинал не отличался большим умом, но был красив. В это галантное время иерархи церкви соревновались в распутстве с вельможами. Кардинал Роган был в числе первых. Среди бесконечных влюбленностей кардинала была и Антуаннетта. Он был тайно и безнадежно влюблен в королеву.

Сначала Де ла Мотт уверила болвана, будто она ближайшая подруга королевы. К восторгу кардинала, она сообщает ему, что Антуаннетта знает о его любви и отвечает взаимностью, поэтому королева решила поручить ему секретнейшее дело – купить для нее желанное ожерелье. Но, конечно, тайно, ибо казна разорена и такая трата вызовет очень неприятные разговоры. Деньги королева вернет ему вскоре.

Счастливый кардинал понял, что сможет повторить великолепную судьбу кардинала Мазарини. Он станет любовником королевы и самым могущественным человеком во

Франции!

Кардинал Де Роган и графиня Де ла Мотт. Гравюра

Свидание кардинала и «королевы». Гравюра XVIII в.

Чтобы окончательно убедить кардинала, Де ла Мотт сообщила, что королева назначила ему свидание ночью в Версальском парке...

Королева пришла в уединенную рощу. Правда, подарить благосклонность кардиналу не успела, ее тотчас спугнул незванный гвардеец. Излишне говорить, что роль королевы исполнила шлюха из Пале-Рояля, очень похожая на Антуанетту...

Вот так Де ла Мотт повторила сцену из пьесы «Севильский цирюльник», которую в это же время... репетировала королева!

Кардинал выкупил ожерелье, пообещав ювелирам уже вскоре расплатиться.

Получив ожерелье для королевы, Де ла Мотт передала его мужу, и супруг был таков.

Когда все раскрылось, Антуанетта то задыхалась от исторического смеха, представляя свое свидание с кардиналом, то впадала в бешенство, вспоминая, на что рассчитывал самоуверенный болван. По требованию королевы кардинал был арестован.

Но когда вся интрига вскрылась, заработала испорченная репутация королевы... Общество вслед за кардиналом по-

верило, что все правда – шлюха-австриячка была готова заплатить телом за дорогую побрякушку. И несчастную Де ла Мотт подставили.

Народ в очередной раз проклинал скандальную королеву, разорявшую страну, и жалкого рога носца-короля, который ей потакал.

«Мадам Дефицит» – так теперь называли Антуанетту...

В это время в Париже (как и в Петербурге в начале XX века) все говорили о революции. И так же, как в Петербурге накануне 1917 года, в Париже были беспощадны к своему монарху. «Безумный шофер, везущий в пропасть» – так говорили о Николае. О Людовике в Париже выражались покруче...

Дефицит топил страну. Король вынужден был часто тасовать министров. Как и наш Николай накануне революции.

В России были два великих министра – Столыпин и Витте, они спасали государство, пока были у власти. Но их плохо слушали. Витте отправили в отставку, Столыпина должны были отправить, но не успели – его убили.

В Париже тоже было двое – Тюрго и Неккер. Оба также могли спасти страну, но... их плохо слушали.

Король позвал сначала Тюрго. Тот разработал план спасительных реформ, основанных на бережливости. Счастливый король удовлетворенно сказал: «У нас только двое лю-

бят народ – я и вы». Бережливые реформы Тюрго – это добавочное налогообложение на дворян и на церковь. Мадам Дефицит должна была отказаться от привычного безумия трат. Конечно, и она, и «наши», и двор начали роптать.

И уже Людовик зовет Тюрго: «Я все думаю, но понять не могу, в чем провинились мои добрые дворяне и наша церковь, что я должен наградить их такими бедами?» Король отменил реформы.

Тюрго, уходя в отставку, сказал то, что надо запомнить всем властителям. «Ваше величество, самое страшное – это непоследовательность. Она губительна и для народов, и для королей».

Но терпение народа истощилось, в городах толпы уже выходили на улицы.

Король вынужден призвать другого блестящего финансиста – Неккера. Он уже спасал короля займами, потом пытался так же спасти бережливостью. За все это Неккера прогнали. Теперь снова вернули, но...

Но займы брать уже было неоткуда, и бережливость опоздала. Самая могущественная держава Европы была окончательно разорена. Неккер предложил единственный выход – обратиться к народу. Собрать Генеральные Штаты, которые столько лет не собирались.

Объявили выборы... Что началось! Какой был общественный взрыв! Народ поверил, что его наконец-то призвали

участвовать в управлении. Началась беспощадная борьба кандидатов, все помешались на политике. Франция жила выборами...

И состоялось – Генеральные Штаты избраны!

Избранники Нации прошли парадом перед королем в Версале. Эта встреча короля с депутатами Генеральных Штатов была очень похожа на встречу нашего императора с Первой Государственной думой.

Депутаты-аристократы были великолепно – щеголяли в заломленных шляпах с роскошными перьями, в бархатных плащах. С этой средневековой роскошью удачно сочетались лиловые сутаны епископов, красные мантии кардиналов. За ними двигалась черная масса – третье сословие.

Вместе с третьим сословием (тоже в черном) шел герцог Орлеанский. Знал бы он, как опасно заигрывать с Революцией, какая это особая дама! Но в тот день герцог был счастлив.

Дальше события понеслись. Третье сословие объявляет себя Национальным собранием.

Герцог Орлеанский. Гравюра XVIII в.

Депутаты Национального собрания приходят на заседание, но двери закрыты. Нет, это не политическая акция –

нерешительный жалкий король не посмел бы. В эти дни умер его старший сын, и согласно правилам другого правителя Франции – Этикета —, в Версале не должно было быть соборщ. Оттого и закрыли двери зала.

Но депутаты не собирались выяснять причины. Они – Воля Народа, которой посмели препятствовать! Постановили: собраться в другом зале. И тотчас!..

Но История любит улыбаться. Зал, куда они направились был залом для игры в мяч! Он принадлежал младшему брату короля – графу д’Артуа. Тому самому, о котором государь сказал: «Он больший монархист, чем сам король».

И вот в этом зале супермонархиста произойдет великое событие, которое и станет подлинным началом Революции...

Депутаты вошли в зал. И в зале для игры в мяч поклялись – не расходиться до тех пор, пока не будет принята Конституция. То есть до тех пор, пока самодержавная монархия не перестанет существовать и страна начнет управляться законом, как об этом мечтали просветители.

Появился посланец короля. Он попытался объяснить Собранию законы Этикета: «Никаких соборщ, ибо в королевской семье горе!» Посланец посмел погрозить!

И тогда послышался громовой голос, который будет с тех пор слышать не только Франция, но весь мир. Это был голос депутата третьего сословия графа Мирабо.

«Мы собрались здесь по воле народа, и разойтись нас заставит только сила штыков».

Его жизнь – роман. Потомок старинного рода, ненавидимый отцом. Дрался на дуэли, сидел в замке Иф, прославленном Дюма-отцом. В тюремном замке умудрился соблазнить жену начальника стражи. Затем его новой жертвой стала жена аристократа. С нею бежал в Швейцарию. Схвачен, посажен в Венсенский замок, приговорен к смерти, помилован... Лишь в двадцать девять лет Мирабо обрел свободу. Написал множество блестящих публицистических работ, участвуя в выборах в Генеральные Штаты. Дворяне отказали в избрании ему, потому что знаменитого рода. Тогда он обратился к народу. Граф Мирабо был избран от третьего сословия.

Конечно, это перечисление фактов в стиле Твиттера.

Но я надеюсь когда-нибудь рассказать вам о великой жизни графа Мирабо.

Мирабо сказал: «Мы собрались здесь по воле народа, и разойтись нас заставит только сила штыков».

Бедный король придумал то, что придумывают дети. Больно падая, они наказывают пол. Король решил наказать Неккера – отправил его в отставку. Неккера – единственного, кто еще мог его спасти.

Отставка Неккера подожгла фитиль...

В Пале-Рояле молодой адвокат Камиль Демулен обращается к толпе:

«У угнетенных остался только один призыв – к оружию!»

Толпы штурмуют арсенал. Забирают оружие. 14 июля тысячи парижан пошли на Бастилию – символ деспотии.

Бастилия уже давно не главная политическая тюрьма. В ней – всего семь узников. Недавно там был восьмой, очень интересный. Но буквально накануне восстания он начал бунтовать. Пытался кричать из окна камеры – призывал народ напасть на Бастилию. Его оттащили от окна и увезли в сумасшедший дом. Имя его – маркиз де Сад.

Оставшихся семерых (двое – сумасшедшие) стерегли восемьдесят ветеранов-инвалидов и три десятка швейцарцев.

На крепость шла многотысячная толпа. Защитники отстреливались, пытались палить из пушек. Но сделать уже ничего не могли...

Комендантом тюремного замка был маркиз Делоне. Ключи от Бастилии он имел право отдать только посланцу короля.

Он понимает: ни посланца, ни помощи не будет.

Комендант решает исполнить долг – взорвать тюрьму.

*Оноре-Габриэль Рикети, маркиз Мирабо. Жозеф Бозе.
1789 г. Версаль*

Он уже стоял у порохового погреба с зажженным фити-

лем, но двое офицеров-ветеранов сумели отнять горящий фитиль.

Защитники Бастилии постановили сдаться народу. На переговорах с главарями восставших договорились: замок сдадут за безопасность и прощение защитников. Над Бастилией поднят белый флаг.

Из своего огромного дома в двести окон, находившегося напротив Бастилии, за штурмом наблюдал великий Бомарше... Он видел, как тысячи его Фигаро, вооруженных ружьями, пиками и колющими, ворвались в старинную тюрьму. Видел он и послесловие к народной победе.

Бастилия была взята. И вскоре попросту срыта. На месте старинной тюрьмы появилась знаменитая надпись революции: «Здесь танцуют».

Эти народные танцы!

Когда Бастилия пала, танец начался тотчас.

Победивший народ разграбил, выбросил из замка на площадь бесценный королевский архив – тысячелетние манускрипты. В них – история королей, история Франции. Эти сокровища разбросали по площади. И народ радостно танцевал на драгоценных манускриптах. Немногие спасенные бумаги навсегда сохранили следы народных башмаков...

Эти веселые танцы – первый эпиграф к нашему будущему

повествованию. Был и другой – голова коменданта маркиза Делоне...

*Депутаты третьего сословия перед запертыми дверями.
Люсьен Мелинь. 1874 г.*

Коменданта Бастилии вели в Ратушу, когда озверевшая толпа отбила старика и тут же растерзала. Целый день качалась на пике голова старого коменданта Бастилии – ее победно носили по Парижу.

Несколько сдавшихся солдат и офицеров были вздернуты на виселицу во дворе Бастилии.

Ну а король? К Людовику в Версаль прискакал гонец. В тот день у короля была неудачная охота. Охота – это, наверное, единственная страсть «заторможенного». Людовик очень огорчился неудачей и отметил в дневнике результаты охоты: «Ничего».

«Ничего» – единственная запись в дневнике короля в день взятия Бастилии!

История опять улыбнулась.

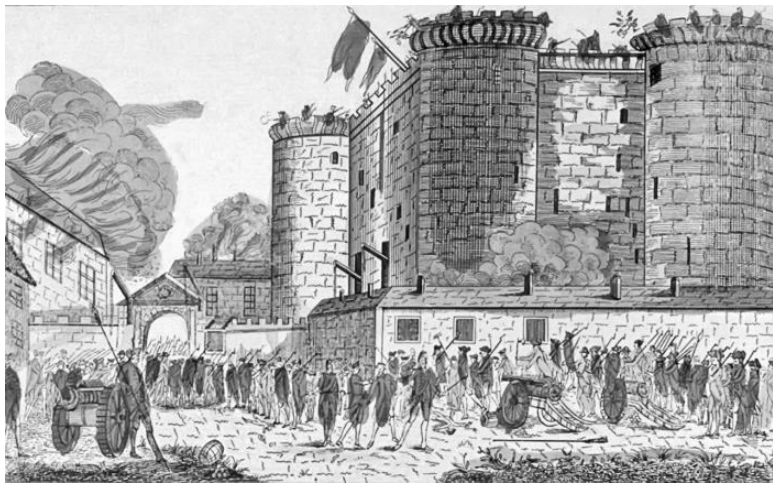

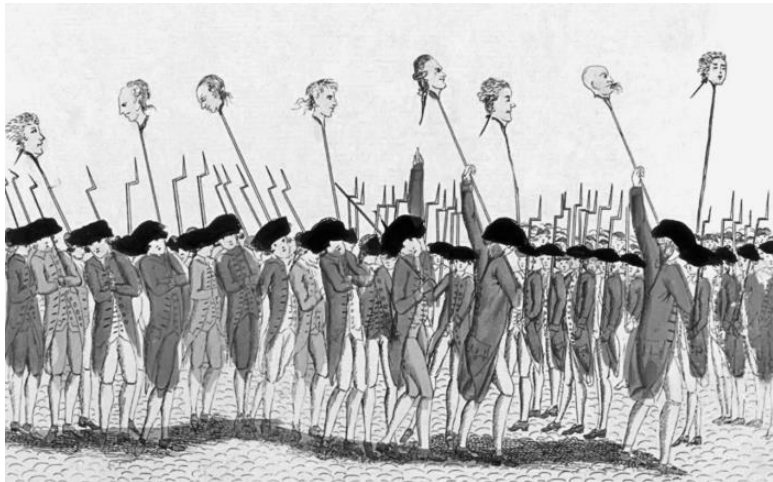
*Бастилия в первый день разрушения. Робер Юбер. 1789 г.
Музей Карнавале.*

После охоты король встретился с посланцем из Парижа. Выслушав о парижских событиях, монарх вежливо спросил:
– Вы думаете, это мятеж?

Великий Давид, «художник революции» (так его называли), задумал впоследствии главный революционный культурный проект – полотно «Клятва в зале для игры в мяч».

На огромной семидесятиметровой картине должны были быть портреты собравшихся в том зале депутатов. Сотни лиц!

*Штурм Бастилии. Шарль Тевенен. 1793 г. Музей Карна-
вале*

Четыре года работал Давид над этим полотном, когда понял – надо прекращать работу. Ибо выставить полотно было невозможно. В это время глава Национального собрания депутат Бальи, который в центре картины, на возвышении, призывал депутатов к сопротивлению, уже окончил свою жизнь на гильотине и многие депутаты, тянущие к нему руки в революционном исступлении, уже были гильотинированы той самой революцией, ради которой они собрались в этом историческом зале.

Таков еще один эпиграф к нашему повествованию.

Часть II

А дальше события понеслись!

Теперь на вершины власти будут подниматься все новые и новые гиганты, чтобы при падении оказаться карликами...

В это время у Антуанетты просыпается невероятная энергия, как и у нашей императрицы перед крахом империи.

Она вмешивается буквально во все государственные дела. Она, у которой был главный лозунг: «Развлекайтесь!» – сумела овладеть тайнописью. Ночами она корпит над бесконечными письмами за границу. При помощи тайнописи идут ее непрерывные сношения с братом и другими европейскими монархами. Она призывает, молит их вмешаться.

«С каждым декретом Национального собрания, – пишет она, – нас отодвигают все дальше и дальше от власти».

И действительно, в Париже – лавина революционных декретов. Отменены сословия. Упразднены титулы. Маркизы, графы, герцоги – в прошлом. Новая история – все равны. Впрочем, два титула сохранились – у графа Мирабо, сказавшего: «Европа, Франция, весь мир знают меня как *графа* Мирабо», и, конечно, у герцога Орлеанского.

DECLARATION
DES DROITS DE L'HOMME
ET DU CITOYEN

Adoptée par l'Assemblée Nationale dans les séances des 20, 26, 27, 28 et 30 août 1789. Approuvée par le Roi le 26 août 1789.

PRÉAMBULE

LES représentants du peuple Français constitués en Assemblée Nationale, considérant que l'ignorance, l'oubli ou le mépris des droits de l'homme ont été les causes des malheurs publics et de la corruption des gouvernements, ont résolu de poser dans une déclaration solennelle, les droits naturels, inaliénables et sacrés de l'homme; afin que cette déclaration, constamment présente à tous les membres du corps social, leur rappelle sans cesse leurs droits et leurs devoirs; afin que les actes du pouvoir législatif et ceux du pouvoir exécutif, pouvant être à chaque instant comparés avec le but de tout gouvernement politique, en soient plus respectés; afin que les réclamations des citoyens, fondées désormais sur des principes simples et incontestables, courent toujours au maintien de la constitution et du bonheur de tous.

EN conséquence, l'Assemblée Nationale reconnaît et déclare, en présence et sous les auspices de l'Être suprême les droits suivants de l'homme et du citoyen.

ARTICLE PREMIER.

LES hommes naissent et demeurent libres et égaux en droits; les distinctions sociales ne peuvent être fondées que sur l'utilité commune.

II.

Le but de toute association politique est la conservation des droits naturels et imprescriptibles de l'homme; ces droits sont la liberté, la propriété, la sûreté, et la résistance à l'oppression.

III.

Le principe de toute souveraineté réside essentiellement dans la nation; nul corps, nul individu ne peut exercer d'autorité qui n'en émane expressément.

IV.

La liberté consiste à pouvoir faire tout ce qui ne nuit pas à autrui. Ainsi, l'exercice des droits naturels de chaque homme n'a de bornes que celles que assurent aux autres membres de la société; la jouissance de ces mêmes droits, ces bornes ne peuvent être déterminées que par la loi.

V.

La loi n'a le droit de défendre que les actions nuisibles à la société. Tout ce qui n'est pas défendu par la loi ne peut être empêché, et nul ne peut être contraint à faire ce qu'elle n'a ordonné pas.

VI.

La loi est l'expression de la volonté générale; tous les citoyens ont droit de concourir personnellement, ou par leurs représentants, à sa formation; elle doit être la même pour tous, soit qu'elle protège, soit qu'elle punisse. Tous les citoyens étant égaux à ses yeux, sont également admissibles à toutes dignités, places et emplois publics, selon leur capacité, et sans autre distinction que celles de leurs vertus et de leurs talents.

VII.

Nul homme ne peut être accusé, arrêté ni détenu que dans les cas déterminés par la loi, et selon les formes qu'elle a prescrites; ceux qui sollicitent, expédient, exécutent ou font exécuter des ordres arbitraires, doivent être punis; mais tout citoyen appelé ou saisi en vertu de la loi, doit obéir à l'instant, il ne peut être puni par la résistance.

VIII.

La loi ne doit établir que des peines strictement et évidemment nécessaires, et nul ne peut être puni qu'en vertu d'une loi établie et promulguée antérieurement au délit, et légalement appliquée.

IX.

TOUT homme est présumé innocent jusqu'à ce qu'il ait été déclaré coupable; il ne peut être tenu pour coupable, sans qu'il ait été prouvé par la loi.

X.

Nul ne doit être inquiété pour ses opinions, mêmes religieuses, pourvu que leur manifestation ne trouble pas l'ordre public établi par la loi.

La libre communication des pensées et des opinions est un des droits les plus précieux de l'homme; tout citoyen peut donc parler, écrire, imprimer librement, sauf à répondre de l'abus de cette liberté dans les cas déterminés par la loi.

XII.

La garantie des droits de l'homme et du citoyen nécessite une force publique; cette force est donc instituée pour l'avantage de tous, et non pour l'utilité particulière de ceux à qui elle est confiée.

XIII.

Pour l'entretien de la force publique, et pour les dépenses d'administration, une contribution commune est indispensable; elle doit être également répartie entre les citoyens en raison de leurs facultés.

XIV.

LES citoyens ont le droit de constater par eux-mêmes ou par leurs représentants, la nécessité de la contribution publique, de la consentir librement, d'en suivre l'emploi, et d'en déterminer la quotité, l'assiette, le recouvrement et la durée.

XV.

La société a le droit de demander compte à tout agent public de son administration.

XVI.

TOUTE société, dans laquelle la garantie des droits n'est pas assurée, ni la séparation des pouvoirs déterminée, n'a point de constitution.

XVII.

LES propriétés étant sacrées, nul droit d'impôt ne peut en être privé, si ce n'est lorsque la nécessité publique, légalement constatée, l'exige évidemment, et sous la condition d'une juste et préalable indemnité.

Декларация прав человека и гражданина. 1789 г. Музей Карнавале

Герцог сохранил свой титул, но с революционной приставкой – герцог Эгалите. Да здравствует герцог Равенство!..

Свобода вероисповеданий. Свобода прессы. И, наконец, величайший декрет – Декларация прав человека и гражданина. Мечта просветителей стала явью. Декларация объявила: «Все люди рождаются свободными и равноправными. Живут свободными, равноправными и имеют право сопротивляться угнетению».

На Марсовом поле воздвигнут алтарь Свободы.

В эти дни в Версаль пришел фландрский полк. У Антуанетты появилась радостная возможность вспомнить о прошлом, услышать вновь забытые слова: «Да здравствует королева!»

Она устраивает прием для пришедших гвардейцев. Вино лилось рекой, в бесконечных тостах славили короля и королеву. Правда, кто-то все-таки провозгласил тост «за Нацию».

Но пирующие дружно не поддержали.

Уже на следующий день все происходившее в Версале становится известно в Париже. В *голодном* Париже. Ибо Революция – загадочная дама, когда она появляется – тотчас ис-

чезает еда.

Как и в Петербурге 1917 года, в Париже пропал хлеб. С негодованием говорят в столице о версальском пиршестве. Рассказывают о криках «Да здравствует королева!», о том, как посмели отказаться поднять бокал за свободную Нацию.

В Пале-Рояле – сборища возмущенных и... раздают пики!

И вскоре, как напишет Камиль Демулен, «восемь тысяч разгневанных «Юдифей» пошли в поход на Версаль». Среди этих восьми тысяч было много «веселых дам» из Пале-Рояля и яростных торговок с парижского рынка.

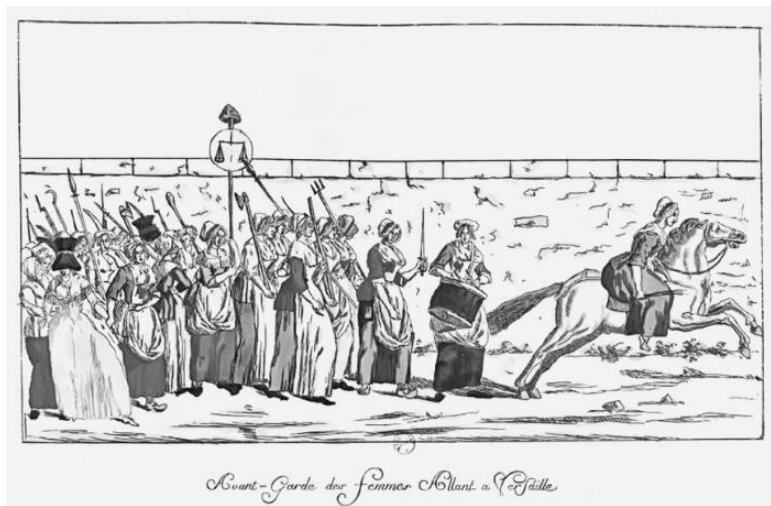
День стоял ненастный. Шел холодный дождь. И, защищаясь от дождя, женщины накрылись своими длинными юбками.

Но под некоторыми юбками, как напишет современник, оказались волосатые ноги. В этой толпе шло много переодетых мужчин.

Марш разгневанных «Юдифей» описал знаменитый Камиль Демулен.

Маленькое отступление о Демулене.

Ромен Роллан говорил, что Камиль был очень похож на нашего Бухарина. И правда, как Николай Бухарин, Демулен был блестяще образованный человек с нежнейшей душой, писавший... беспощадные статьи! Он призывал граждан стать Брутами и, если понадобится революции, Нерона-

Поход «Юдифей» на Версаль. Гравюра. XVIII век.

Этот непреклонный революционер был безнадежно и нежно влюблен в девушку по имени Люсиль Дюплесси.

Недалеко от театра «Одеон» и сейчас стоит дом богача Дюплесси, куда столько раз приходил влюбленный Камиль.

Это был роман в стиле «Новой Элоизы» Руссо.

Несчастные влюбленные почему-то не подозревают о любви друг друга и глубоко страдают.

«О ты, живущий в глубине моего сердца, ты, кого я не осмеливаюсь любить, вернее, не осмеливаюсь признаться, что люблю, о мой Камиль», – пишет Люсиль в дневнике. И ходит целовать дерево, на котором вырезала его имя.

А как страдал сам Камиль!

И наконец-то! Наконец они узнают, что любовь взаимна! Но тут, конечно же, новая беда – непреклонный отец. И они опять страдают-страдают-страдают...

Но стремительная карьера революционера Демулена заставила отца стать сговорчивым. Отец счастливо побежден. Они могут сочетаться браком! О счастье, о радость! О, победа великой и вечной Любви!..

Впрочем, революционные аскеты подозрительно отнеслись к пылкой любви Камиля.

«Кровать, в которой упивается любовью супружеская пара, так же опасна для Родины, как все аристократы, которых мы арестовали или повесили. Чтобы быть крепким телом и духом, каждый гражданин должен на время отказаться от сластолюбивых желаний супруги или любовницы и даже спать в отдельной постели», – писал революционный журналист.

Праздник. Гравюра. XVIII в.

Однако идея двух республиканских кроватей не нашла поддержки у «крепких телом и духом».

Бракосочетание Демулена и Люсиль прошло в знаменитой церкви Сен-Сюльпис. Они поселились в великолепном доме напротив театра «Одеон», совсем недалеко от отца Люсиль и этой церкви. Сохранились и дом, и квартира, и окна ее по-прежнему глядят на знаменитый театр.

В этой квартире состоялся брачный пир.

Собралась знаменитая тогда революционная братия – и блестящий оратор Бриссо – вождь депутатов, депутат от департамента Жиронды, и, конечно же, *он* – ближайший друг Камиля Демулена...

*Максимилиан Робеспьер. Аделаида Лабиль-Жирар.
1791 г. Версаль*

В тот вечер, по старинному брачному обычаю, именно *он*

надел подвязку на ножку красавицы Люсиль.

Он учился вместе с Демуленом в лицее Святого Людовика, он был свидетелем во время бракосочетания... Он – маленький человечек со срезанным лбом, с глазами, утонувшими в глазных впадинах. Его имя тогда часто путали в Национальном собрании, над его слишком патетическими речами и слишком напудренным париком часто насмешничали... Да-да, это был Робеспьер, который гильотинирует всю эту революционную братию. Шестьдесят веселящихся гостей потеряют головы на эшафоте. Не забудет он и про Камилля, и про его прелестную жену...

Многих священников из церкви Сен-Сюльпис, где сочетались браком счастливые влюбленные, убьют во время революционного истребления священнослужителей в Париже.

И эту кровавую оргию будет приветствовать все тот же господин, который надел подвязку на ножку Люсиль.

Но вернемся в тогда, в марш революционных «Юдифей».

Они приближались к Версалю. За толпой женщин следовала Национальная гвардия – чтобы охранить порядок.

Во главе Национальной гвардии – прославленный герой войны за свободу Американских Штатов, генерал маркиз Лафайет. Но маркиз Лафайет все чаще ощущает – он теряет власть над своей гвардией. Ибо заработал новый движок революции и революционеров-маркизов слушают все меньше.

В тот день король, несмотря на ненастье, занимался любимым делом – охотился.

Охоту пришлось прервать, к неудовольствию монарха. Из дворца приехали гонец из Парижа и министр Сен-При. Прямо у их кареты состоялось совещание. Гонец сообщил королю о приближающейся огромной толпе. Министр Сен-При подытожил:

– Ваше величество, вполне вероятно, они постараются отвезти вас в Париж. – И, помолчав, добавил: – Но тогда, сир, корона будет потеряна.

У короля оставалось только два выхода.

Первый – велеть гвардейцам стрелять в толпу Юдифей, что совершенно исключалось, добряк не мог пойти на это. Он был потомок Людовика Четырнадцатого, который говорил: «Женщину можно ударить, но только цветком».

Но был второй, самый здравый выход – покинуть Версаль вместе с Фландрским полком. Удалиться подальше от мятежного Парижа, как уже делали не раз короли во французской истории. Чтобы потом вернуться с армией и усмирить мятежный город. Но этот король был «заторможенный». Дело здесь не в простой нерешительности. Как и наш последний царь, он ощущал себя агнцем на заклание.

*Маркиз Лафайет. Жозеф Дезире Кур. 1791 г.
Версаль*

Николай говорил: «Я рожден в день Иова многострадального... Я обречен на страшные испытания».

И у Людовика была присказка: «Что бы я ни делал – будет

несчастье».

История выбирает подобных персонажей, чтобы легче свершать великие перевороты!

Король вернулся во дворец и начал ждать. И они пришли в Версаль.

Промокшая под проливным дождем, голодная, злая толпа сначала направилась в Национальное собрание.

Депутаты повели нескольких представительниц «Юдифей» в Версальский дворец.

Состоялась встреча: французский король и рыбные торговки да веселые девушки из Пале-Рояля.

Король был галантен. Пообещал отправить в Париж все запасы муки из подвалов дворца. Сообщил, что для членов делегации будет подана королевская карета, которая отвезет их домой. Он готов был сделать что угодно, лишь бы они покинули Версаль. Дамы пришли в восторг. Одна была настолько тронута королевской галантностью и заботой, что лишилась чувств.

Дамы вышли к толпе и сообщили о своей победе. Но «Юдифи» заорали: «Долой! Изменники!» Ибо в толпе были люди, имевшие совсем другой план.

Между тем подошедшая Национальная гвардия окружила толпу. В наступивших сумерках «Юдифи» начали расходиться на ночлег.

Как провели эту ночь пришедшие дамы? Ответим скромно: по-разному...

Кто помоложе – нашли очень гостеприимный приют в теплых казармах Фландрского полка и королевской гвардии. Те, кто постарше, провели ночь менее галантно – спасались под арками, ибо дождь прекратился только под утро.

Глава Национальной гвардии Лафайет отправился в гостиницу – поспать.

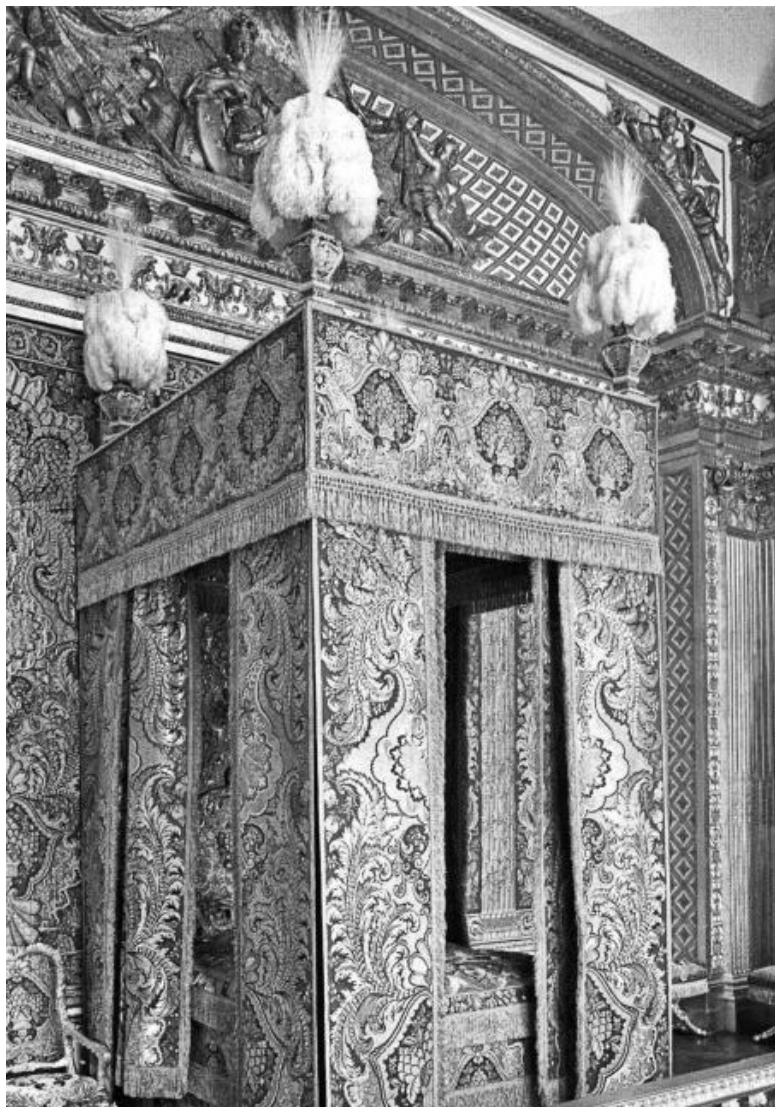
Но в революцию не спят. У революции бессонные ночи. И пока глава Национальной гвардии, герой Американских Штатов сладко почивал, огромная толпа затопила двор Версальского дворца. Самое удивительное – эти люди, никогда не бывавшие прежде во дворце королей, абсолютно точно знали нужные лестницы и тайные входы.

Vive le Roi! Vive la Nation!

Юдифи». Гравюра XVIII в.

Более того, некоторые двери во дворец оказались незапертыми...

Кровать Людовика XVI, послужившая убежищем королевской семье

Толпа ринулась по лестнице, которая вела прямо в покои ненавистной королевы. Орали: «Смерть австриячке!» (они звали ее «австриячкой» – как у нас звали «немкой» последнюю царицу).

Гвардейцы, охранявшие покои Марии-Антуанетты, обнажили шпаги. Они успели прокричать: «Спасайте королеву!» – но бой был короткий. Один упал, заколотый, голова другого закачалась на пике.

Пока толпа ломала запертые двери, Антуанетта успела спастись по потайной лестнице, которая вела прямо в спальню короля (по этой лестнице прежние Людовики отправлялись к своим возлюбленным).

В это время проснувшийся Лафайет вскочил на коня и поскакал во дворец.

Затопившая двор толпа в мрачном молчании расступилась.

Разъяренная толпа у стен Версаля. Гравюра XVIII в.

Лафайет вошел в покои короля под яростные вопли, доносившиеся со двора: «Короля и королеву – на балкон!»

Потерявший власть и над своей гвардией, и над этой беснующейся толпой, маркиз Лафайет сказал: «Ваше величество, для успокоения толпы... придется...»

И они вышли на парадный балкон дворца. Первым появился король, за ним – королева, держа за руки детей... Ненавистная мотовка-«австриячка» стояла перед толпой, которая ее ненавидела. В толпе – ружья, пики. И камни – любимое оружие революции.

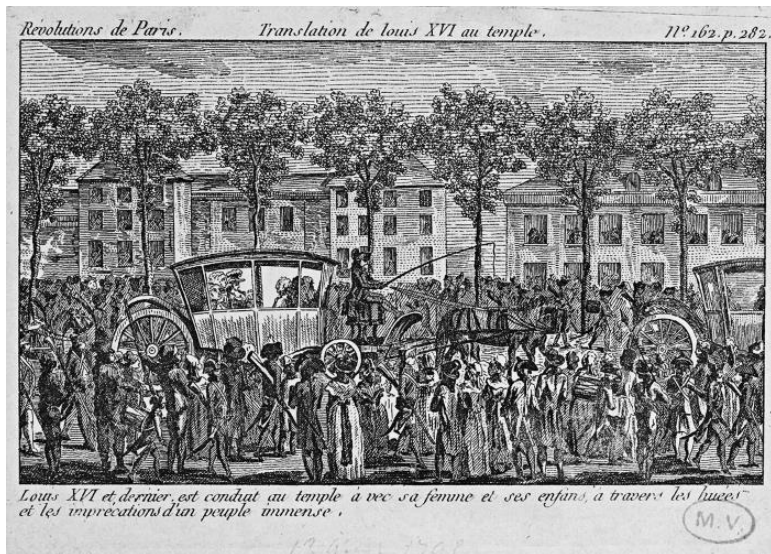

*Маркиз де Лафайет и Мария-Антуанетта на балконе.
Гравюра XIX в.*

Она все понимает, но гордо стоит, презрительно подняв прекрасную голову. Она не умела ее склонять. Когда ее привезут в тюрьму Консьержери, она разобьет лоб о притолоку камеры.

Этот страшный миг мог стать для нее последним. Спас маркиз Лафайет. Он вышел на балкон и, низко склонившись в галантном поклоне, поцеловал королеве руку. И они вспомнили, что они французы.

В последний раз тогда она услышала крик: «Да здравствует королева!»»

Возвращение из Версаля. Гравюра XVIII в.

Потом, будто опомнившись, толпа заревела: «Короля и королеву – в Париж! Пекаря, пекариху и пекаренка – в Париж!»»

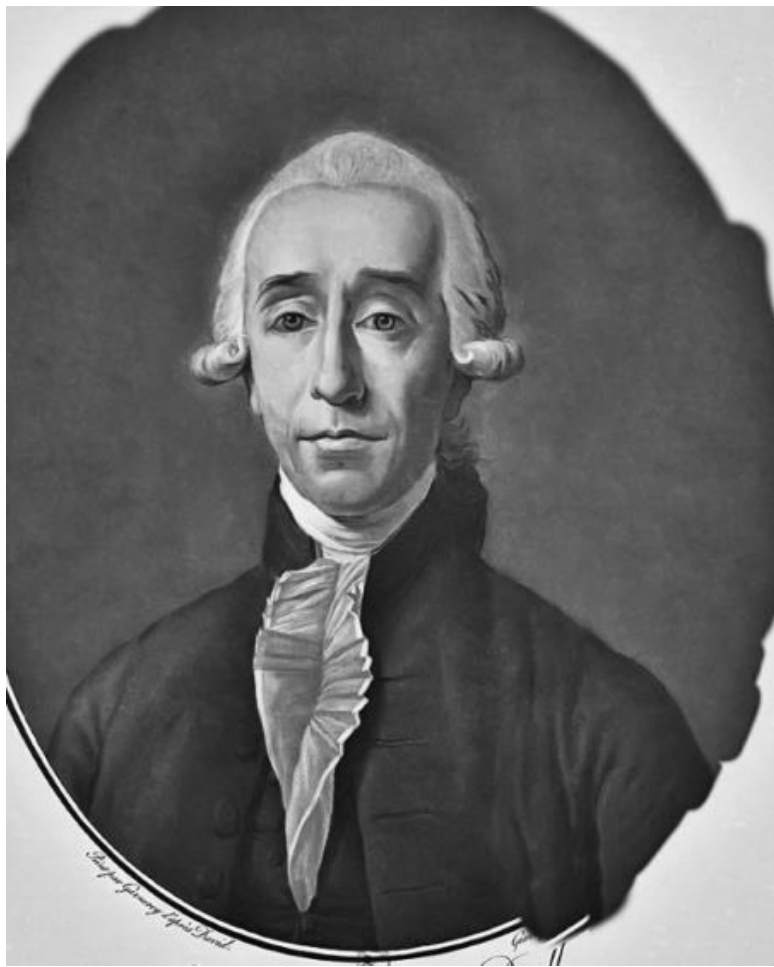
И они поехали. Это была траурная процессия. Впереди Национальная гвардия везла пушки. В ружья гвардейцев были празднично воткнуты букетики цветов. За ними следова-

ло пятьдесят карет с мукой. И наконец – золотая королевская карета, в которой когда-то выезжали могущественные Людовики. Сейчас в ней сидели безвластный король, униженная королева и их дети.

Так умирала восьмисотлетняя великая монархия.

Они въехали в Париж. Их должны были поселить во дворце Тюильри. Дворец этот короли не посещали давным-давно, и был он в полном запустении.

Но по дороге в Тюильри им пришлось остановиться у мэрии.

Жан Сильван Балли. Пьер-Мишель Аликс. 1795 г. Национальная библиотека Франции

Людовик в окружении революционной толпы. Гравюра

Там разыгралась незабываемая демократическая сцена: король Франции вышел на балкон вместе с Бальи, вчерашним главой Национального собрания, а нынче мэром Парижа. И они взялись за руки – к восторгу толпы. На голове короля красовалась знаменитая королевская шляпа, к ней была приколата... революционная трехцветная кокарда! Так они и стояли, держась за руки, – два будущих мертвеца. И революционеру Бальи, и низвергнутому королю революция готовила одну участь.

Наступила их жизнь в Тюильри. Караулы Национальной гвардии вокруг дворца. Охраняют и стерегут. Людовик де-юре по-прежнему являлся королем Нации и де-факто – ее пленником. По вечерам к ним приходил командир гвардейцев маркиз Лафайет – проверить, не убежали ли, не покинули ли они возлюбленный народ.

В Тюильри они получили письмо.

Мирабо. Гравюра XIX в.

Это было знаменитое послание, которое донныне волнует историков. Письмо королю написал... великий революцио-

нер Мирабо! Самый влиятельный человек во Франции. Его голос считался голосом Нации.

Но дерзкий Мирабо – по убеждениям конституционный монархист. Для Мирабо и его соратников все, ради чего они затеяли революцию, уже свершилось. Деспотия повержена. Теперь они легко заставят короля принять нужную конституцию, и хватит!

Но Мирабо уже почувствовал, куда несет революционный поток, как начинают действовать демонические силы, разбуженные революцией. Но не понимал, что остановить их уже нельзя...

Они, свершившие революцию, не управляли революцией. Им только казалось, что они ее отцы.

Запомним: у революции не бывает отцов. У нее есть лишь дети, беспомощные дети.

Революцию можно начать, но как ее закончить?!

Мирабо верил, что в его власти остановить лавину, которую они сами породили. В своем письме-меморандуме он объяснял Людовику, как успокоить Нацию. Надо прежде всего создать воистину ответственное министерство. Назначить министрами только тех людей, которым сейчас верит народ. Естественно, главой этих министров должен был стать сам Мирабо. И это справедливо – Мирабо в это время был неофициальным правителем Франции.

Но в письме имелся пункт, который вызывает брезгливое

чувство, – Мирабо просил деньги у короля.

Между тем, с точки зрения графа, здесь не было ничего постыдного. Он как бы возвращался, пусть и тайно, на службу к своему государю. За службу положено платить жалованье. Деньги этому моту, обожавшему женщин, многих женщин, требовались постоянно и в огромном количестве.

Первая реакция королевы была высокомерной и злорадной. Она презрительно сказала: «Надеюсь, мы никогда не будем настолько несчастны, чтобы прибегнуть к помощи господина Мирабо». Но жизнь уже научила ее думать. Поразмыслив, она поняла: другого такого союзника у них никогда не будет.

И король принял помощь революционного короля Франции.

Мария-Антуанетта тайно встречается с Мирабо в Версальском парке. Она впервые увидела близко его уродливое, изрытое оспой лицо и гриву вечно всклокоченных волос. Лицо, которое так пугало женщин вначале и так притягивало их потом!

О чем они говорили – неизвестно.

Мария-Антуанетта в годы пребывания в Тюильри. Алек-

сандр Кухарский. 1790 г.

Но известен итог: «Она удивительная женщина, благородная и очень несчастная. Но я спасу ее», – сказал Мирабо.

Она победила!

Мирабо спешил со своей помощью монархии. Уже были созданы Якобинский клуб и клуб кордильеров...

Самым мощным оказался Якобинский клуб. Якобинцы – это имя станет нарицательным, прогремит по всей Европе.

И конституционный монархист Мирабо был его активным членом. Точнее, он успел побыть им. Ибо вскоре из этого клуба будут изгнаны все монархисты. Останутся в нем лишь революционеры-радикалы – те, кто на новом этапе требовался беспощадной девке Революции.

Тайная встреча Марии-Антуанетты и Мирабо в Версальском парке. Гравюра XIX в.

Есть мистика Истории. Мирабо в это время мог очень помочь королю, но король не был нужен Истории. И Мирабо... умирает! Вы прочтете во многих источниках, что его погубили излишества – он слишком любил, как и положено французу, вино. Но больше вина он любил женщин. И женщины любили его.

Гипнотическая сила и обольстительные речи заставляли забыть о его уродстве. Женщин у графа было множество. Но, поверьте, его богатырское здоровье выдержало бы все. К тому же людям, подобным Мирабо, обилие женщин необходимо – оно только помогает!

Смерть Мирабо. Гравюра XIX в.

Убила его Революция.

Революция – вампир. Она выпивает, высасывает человека. До сих пор историки и врачи гадают, что же случилось с Лениным, от какой болезни умер Ильич. Как и вождь Французской революции Мирабо, Ильич был выпит вампиром по имени Революция...

Итак, Мирабо умирает. Он знал будущее и, умирая, сказал: «В моем сердце развалины монархии. Теперь их растащат мятежники».

Он уходил в очень радостный, солнечный день. Долго смотрел на голубое небо, потом засмеялся: «Как красиво! Если там не Бог, то, по крайней мере, его двоюродный брат».

После его смерти у них оставался только один выход. Тот, который, кстати, предлагал им и Мирабо: бежать за границу, к врагам революционной Франции, к их войскам. Король мучился и не решался. Решилась она. Как назвал ее Мирабо – «единственный мужчина в королевской семье».

Побег взялся устроить *некий господин*.

Вот здесь – очередное отступление. Отступление о том, кто все это время был рядом с нею.

В бесконечных памфлетах «сладострастной австриячке» приписывалось множество мужчин. На самом деле никого из

них у нее не было. Единственного ее любовника эти грязные писания не упомянут...

Об их трагическом романе узнали только в середине следующего века, когда уже случилось «чудесное превращение» Антуанетты.

После возвращения монархии, как это часто бывало и у нас, и в мировой истории, все стало наоборот. Объявленная при жизни Мессалиной, Антуанетта стала непорочной, верной женой, любившей лишь своего жалкого, несчастного мужа.

Но в середине девятнадцатого века в родовом имении шведского аристократа графа Ферзена были найдены дневник графа и тринадцать писем, перевязанных красной лентой. Все письма были адресованы графу Ферзену и написаны хорошо известным, небрежным почерком Марии-Антуанетты. Они были опубликованы.

Граф Ферзен. Гравюра XVIII в.

Потомки Ферзена постарались вычеркнуть в них все стро-

ки, которые неопровержимо свидетельствовали об удивительной любовной истории. Но они не сумели (или не захотели) вычеркнуть все до конца. К тому же слова порой победно проглядывали сквозь варварские зачеркивания...

Так появились на свет божественные фразы, написанные Антуанеттой: «Мой самый любящий и мой самый любимый человек на земле!», «Пишите! Без ваших писем я сойду с ума»...

Нашлись и письма Ферзена к сестре. В одном из них граф писал: «Та, которую я люблю, никогда не станет моей женой. И поэтому ни на ком другом я никогда не женюсь».

Многое стало ясно и из дневника графа...

Они полюбили в тот день, когда увидели друг друга. Но он сделал все, чтобы не опорочить честь королевы. Его королевы. Поняв, что их чувства вскоре станут очевидными для всех, Ферзен бежал в Америку. Участвовал в войне за независимость Американских Штатов.

Вернулся в Париж адъютантом Лафайета...

Только перед революцией, когда она уже родила дофина (наследника), они стали любовниками. В Трианоне за каминном была потайная комната – для него...

Именно ему – графу Ферзену – она и поручила подготовить их бегство.

После нашей Революции вышла книга о нашем последнем царе – «Покинутая царская семья». Это же название мог бы иметь рассказ о Людовике и Антуанетте. Как и наша царская семья, французские король и королева многое сделали для того, чтобы все покинули их. И граф Ферзен сумел найти поддержку и деньги на побег лишь... у русской баронессы! Баронесса Корф дала не только деньги, но, главное, паспорт с разрешением на отъезд из Парижа. Она рискнула жизнью. Новый паспорт баронесса получила, объявив, что свой паспорт расseyанности бросила в камин.

(Впоследствии Ферзен тщетно будет просить у августейших австрийских родственников Антуанетты вернуть деньги великодушной баронессе. Будет он просить и у нашей императрицы Екатерины, но ни копейки баронесса не получит обратно. Сам граф к тому времени уже был разорен.)

Вот так шведский граф и русская баронесса организовали побег королевской семьи.

Баронесса первой отправилась из Парижа и благополучно прибыла в Россию. А они... они начали распределять роли. Блистательная актриса театра Трианон Мария-Антуанетта, успешно сыгравшая Розину, теперь должна была сыграть горничную госпожи Корф. Роль самой госпожи Корф отводилась воспитательнице королевских детей мадам де Турзель. Роль сестры баронессы Корф должна была исполнить

сестра короля – принцесса Елизавета. Сложнее было с королем. Людовик должен был стать камердинером баронессы Корф. Но как быть со знаменитой королевской шляпой? С большими мучениями Его Величество согласился напялить шляпу и ливрею слуги. Дети короля становились детьми баронессы Корф...

Граф Ферзен должен был вывезти карету из Парижа за город.

Это бегство было обречено с самого начала.

Начнем с того, что они решили ехать всей королевской семьей. Да еще с мадам Турзель! Так велел Этикет – воспитательница королевских детей должна находиться с детьми короля.

Теперь им нужен был огромный экипаж. И Ферзен его нашел. Это был знаменитый «берлин», который делали в Германии. Но дорогая гигантская карета сразу привлекала к себе внимание, где бы ни появлялась, и уже тем более в маленьких городках. К тому же для нее требовалось много лошадей при перепряжке. Все это было необычайно неудобно.

И еще... Из всех французских генералов с трудом нашли единственного, который согласился участвовать в этом предприятии. Это был маркиз Буайе.

Почему он согласился? Потому что в его распоряжении был полк немецких драгун. За них он не боялся. На французских же солдат рассчитывать не приходилось – такова была народная «любовь» к королевской семье.

Побег проходил в лучших традициях пьес господина Бомарше. Количество шпионов после Революции, как отмечает сам палач города Парижа Сансон, «небывало возросло».

Дворец Тюильри кишел осведомителями Национального собрания, король ни на кого не мог положиться...

Около полуночи, когда от них ушел Лафайет (удостоверившись, что семья во дворце и отправляется спать), король действительно удалился в спальню.

По Этикету, ложась в постель, он должен был привязывать руку камердинера длинным шнуром к своей руке. Дернув шнур, он всегда мог его разбудить.

Но теперь король не доверял даже своему камердинеру. В эту ночь он привязал шнур... к ножке кровати!

После чего неслышно сполз с постели и через потайной ход, по которому Людовик Четырнадцатый уходил из спальни к любовницам, спустился в комнату фаворитки Короля-солнце Луизы де Лавальер. Там он переоделся в ливрею и в широкополой шляпе слуги благополучно вышел из дворца...

В своем кабинете король оставил обращение к народу. Он обвинял в нем депутатов, незаконно похитивших власть монарха, и перечислял все унижения и притеснения, которые пережили он и семья...

Чуть раньше короля на площадь Каррузель вышла «служанка-королева». Ее едва не сбила карета Лафайета, отъезжавшая из дворца.

Воспитательница детей мадам де Турзель и сестра короля Елизавета успешно вывели дофина и его сестру.

Не без труда разыскали огромную карету.

Граф Ферзен, сидевший на козлах, ударил хлыстом. Бегство началось.

В ночи они без приключений выехали за город. Здесь граф Ферзен, единственный, кто мог реально помочь, должен был покинуть карету. Любовники щадили чувства короля.

За кучера на козлы сел переодетый гвардеец.

Его Величество воспринимал побег как прогулку, поэтому ехал с картой. Он захотел увидеть наконец, страну, которой управлял. Точнее, управлял прежде. В карету погрузили огромное количество еды и вина – у Его Величества был отменный аппетит.

Ну а дальше все развивалось так, как и должно развиваться королевскому мероприятию. План бегства был нарушен почти с самого начала. Драгуны маркиза Буайе, которым надлежало встречать карету в городах и сопровождать до границы, их не встретили. То опаздывала огромная карета, то встречавшие... Непонятно, как они вообще доехали без опасных приключений до городка Сент-Менеу, расположенного недалеко от границы.

Друз и король. Гравюра. XIX в.

Здесь любознательный король захотел познакомиться с городком, отмеченным на его карте, он сделал то, что было строжайше запрещено Ферзенем, – приподнял занавеску. Знаменитый нос Бурбонов выглянул на улицу. Это был

большой нос. Во времена любвеобильных предков короля характерный нос Бурбонов украшал детей многих фрейлин. В Версале даже ходила милая поговорка: «Бог простит, свет забудет, но нос останется».

Королевский нос тотчас узнал молодой человек, помощник почтмейстера по имени Друэ. Он радостно воскликнул: «Ба! Та же физиономия смотрит с ассигнации в пятьдесят ливров».

Карета двинулась в Варенн – город на границе, а удалой Друэ вскочил на коня и поскакал следом...

История в очередной раз улыбнулась. В Варенне семья планировала добраться до гостиницы «Великий монарх». Там их должны были ждать гусары Буайе... Гостиница находилась на том берегу.

Но до «Великого монарха» Людовик Шестнадцатый никогда не доедет. Обогнавший их Друэ сделал свое дело. Мост через реку, по которому должна была проследовать карета, перегородили перевернутыми телегами и бревнами.

Вскоре в городе загудит набат, и Национальная гвардия выйдет на улицу.

И наступил последний акт знаменитого побега. Король, покончив с постыдным маскарадом, обратился к окружившей их толпе: «Да, я ваш король. Я устал от оскорблений, которым подвергался в моей столице, я решил удалиться в

провинцию. Надеюсь здесь снова обрести любовь народа к своему Государю... Надеюсь, мой народ вспомнит свой веселый, счастливый характер».

После чего грозным голосом *приказал освободить мост* и отвезти их к «Великому монарху».

Ему в лицо расхохотались...

А потом они услышали взрыв – мост был взорван.

Маркиз Буайе, наконец-то прискакавший со своими драгунами, бесполезно стоял на том берегу реки, не смея перейти ее вброд. Весь Варенн уже был заполнен национальными гвардейцами.

В это время прибыли депутаты из Парижа. Они привезли декрет, в котором королю Франции *приказали* вернуться в Париж.

И король, отбросив бумагу, справедливо сказал: «Во Франции больше нет короля...».

Они очень устали, после безумного дня захотели провести ночь в Варенне. Но им не дали. Приехавшие депутаты потребовали немедленного возвращения в Париж. Их окружала толпа – орали: «В карету их, в карету! Мы засунем в карету этих!..».

Король, королева и их дети вынуждены были слушать ругательства и проклятия.

Они ехали в Париж. В карету вместе с ними сели послан-

цы Национального собрания – два депутата, конституционный монархист Барнав и якобинец Петион.

Барнав поместился между Людовиком и Марией-Антуанеттой, Петион – между сестрой короля Елизаветой и мадам де Турзель. Никогда королевская семья не была так близка к депутатам Национального собрания, как в той поездке.

Дети весело бегали по карете, играли. Уже вскоре и Барнав, и даже Петион подпали под «скромное обаяние монархии». Оба депутата не увидели никакой надменности, о которой были столько наслышаны. Родители общались с детьми, как и должна общаться обычная семья...

Барнав потом напишет: «Это очень простая семья!»

Но были и неожиданные впечатления. Например, якобинец Петион решил, будто принцесса Елизавета в него влюбилась. Он даже написал: «Если б мы остались одни, я уверен, природа взяла бы свое...».

Caricature anglaise prorévolutionnaire sur la fuite à Varennes.

Карикатура на королевскую семью. Бегство в Варенн. XVIII в.

Вот так они ехали...

Но идиллия была только в карете. Народ встречал их проклятиями.

Около Парижа толпы проклинавших сменились толпами молчавших. Ибо в это время был расклеен декрет Национального собрания: «Те, кто будет приветствовать короля и королеву, достойны презрения. Те, кто будет их поносить,

достойны розог». В грозном безмолвии они въехали в Париж.

В Национальном собрании сидели законники. Большинство из них – профессиональные адвокаты. Они понимали, что Конституцию, которая покончит с самодержавием королей, должна утвердить легитимная власть. Пока этой властью являлся король, и ему надлежало быть безупречным. Вот когда он утвердит новую Конституцию, «когда мавр сделает свое дело», тогда...

И Национальное собрание объявило, что никакого побега не было. Королевскую семью попросту похитили, король невиновен. А чтобы пресечь возможные дебаты, собрание признало короля невиновным уже в силу неприкосновенности его особы...

Итак, они снова вернулись в Тюильри.

Именно в это время в Тюильри, плотно окруженном Национальной гвардией, появился необычный посетитель.

Король принял его, но стоя к нему спиной...

Вскоре после революции в Национальном собрании выступил депутат – доктор Гильотен. Он заявил, что происходит недопустимое. В стране, где провозглашено равенство, равенства нет в очень значимом месте – на эшафоте. По су-

ществующему закону рубят голову только дворянам. Простых людей вешают. Но этого быть не должно. Долгожданное равенство должно прийти и на эшафот. Депутаты согласились, что это действительно важное упущение...

Их дискуссию с ужасом слушал Шарль Сансон, палач города Парижа. Он понял: депутаты настроены серьезно, и весьма вероятно, что они распространят аристократический способ казни на всех. Уже тогда палач почувствовал, что Революция дама очень решительная. Клиентов на эшафоте явно прибавится. У него рука отвалится рубить головы всем!

Сансон обратился к самому поборнику равенства – депутату Гильотену. Он честно поведал ему о своих страхах. Доктор Гильотен понял, что палач прав. Но проблему можно было решить только с помощью техники. Меч – устаревший способ казни.

Возвращение из Варенна в Париж. Гравюра. 1791 г.

«Мы теперь передовая нация, и казнить нам следует передовым способом. Вместо средневекового меча должен быть изобретен *механизм*».

Сансон с энтузиазмом поддержал передовые мечты доктора Гильотена и попросил помощи у одного из немногих своих друзей (до революции в Париже мало кто не брезговал дружить с палачом). Другом Сансона был изобретатель музыкальных инструментов немец Шмидт.

Немец славно поработал. Ему выпала кровавая честь – он первым нарисовал лезвие топора для будущих казней и разработал всю механику. Подобный механизм он видел прежде на одной из старинных гравюр.

Правда, дать свое имя изобретению Шмидт отказался наотрез.

Зато доктор Гильотен с радостью дал свое имя этому передовому механизму.

Безвластный король официально продолжал быть главой Нации, и ему следовало утвердить новое изобретение.

Шарль Сансон, палач города Парижа, явился к Людовику в Тюильри.

Согласно Этикету, король принял палача, стоя к нему спиной.

Сансон изобразил на доске лезвие и объяснил устройство механизма. Надо заметить, что Людовик обожал столярничать! В Версале у него даже была мастерская. В столярном деле он был куда искусней, чем в деле управления страной...

Людовик сразу оценил изобретение, ему понравился этот прогрессивный способ.

Однако после некоторого раздумья король сделал существенное замечание. Он спросил:

– Для чего на лезвии выемка?

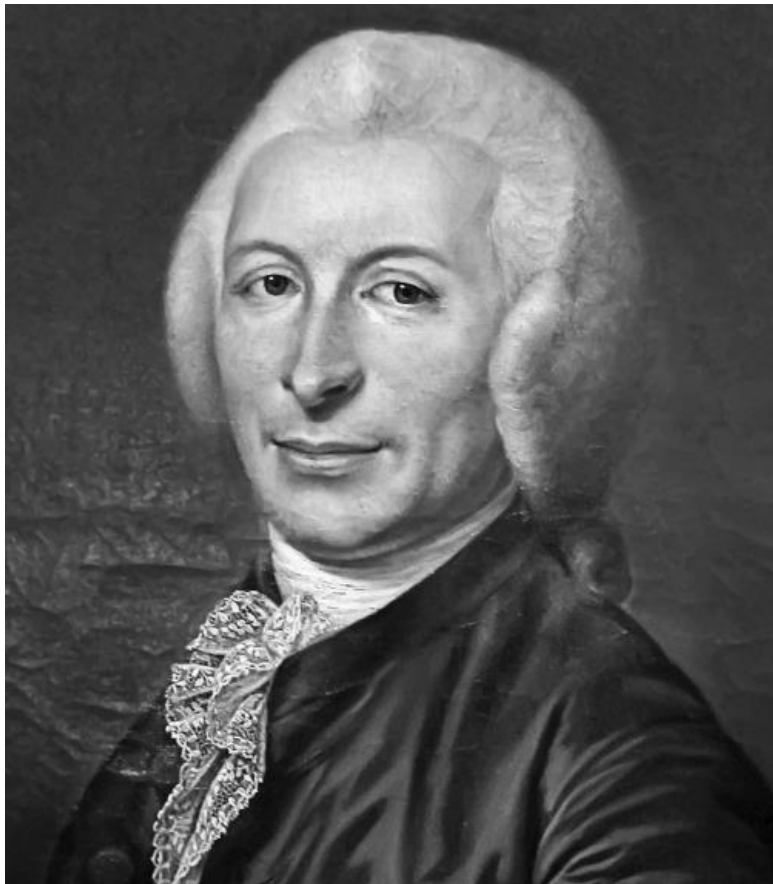
Действительно, на треугольном лезвии нижняя грань лез-

вия имела выемку. Сансон объяснил, что эта выемка – для шеи приговоренного. Король заметил, что шеи бывают разные, поэтому выемка может быть хороша для одной шеи, но для другой будет мала.

Сансон посмотрел на шею стоящего спиной короля – она как раз была слишком толстой для выемки – и понял: король прав...

В это время король Франции взял мелок и, убрав выемку, провел сплошную линию – лезвие стало треугольником. Вот так король Франции стал соавтором гильотины.

Доктор Гильотен сделал доклад в Национальном собрании. Он объявил, что изобретен самый передовой, самый гуманный способ казни, достойный Великой Революции. Теперь казнь – «как дуновение приятного ветерка. Он над вами прошелестит, вы потеряете голову и даже не почувствуете».

Жозеф Игнас Гильотен. Жан-Мишель Моро. XVIII в. Музей Карнавале

Национальное собрание задохнулось в хохоте. Долго сме-

ялись и долго аплодировали.

(Три четверти этих весельчаков очень скоро ощутят на себе дуновение приятного ветерка.)

Было решено провести опыты – сначала на мертвецах, потом на овцах.

Опыты прошли успешно. Теперь на эшафот можно было запускать людей.

Так начался последний этап революции, который мы назовем «Гильотина».

Четырнадцатого сентября 1791 года король подписал новую Конституцию. Мавр сделал свое дело, и мавр должен был уйти.

Часть III

«Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушений не узнаю тебя!».».

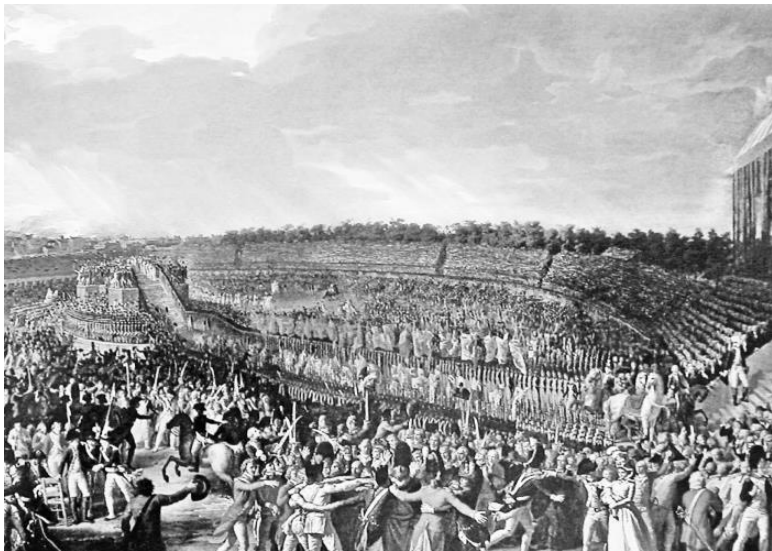
Н.М. Карамзин

Конституция принята, король подписал ее, и мечта конституционных монархистов стала явью. Конституция покончила с самодержавием, во Франции теперь, как и в Англии, – монархия, ограниченная законом. Рупор конституционных монархистов Барнав (тот самый, который вез короля и семью

из Варенна), заявил в Национальном собрании:

«Общий интерес заключается в том, чтобы революция остановилась... Нам причиняют огромное зло, когда продолжают до бесконечности революционное движение – оно уже разрушило все, что можно разрушить. Те, которые совершили революцию, должны понять, что она достигла предела, и слава Родины требует, чтобы она не продолжалась дальше».

Бедняга тоже верил, что Революцию можно остановить. Он был одним из влиятельнейших членов Якобинского клуба, считался великим оратором (о нем говорили: «Когда он выступил, дебаты прекращались»).

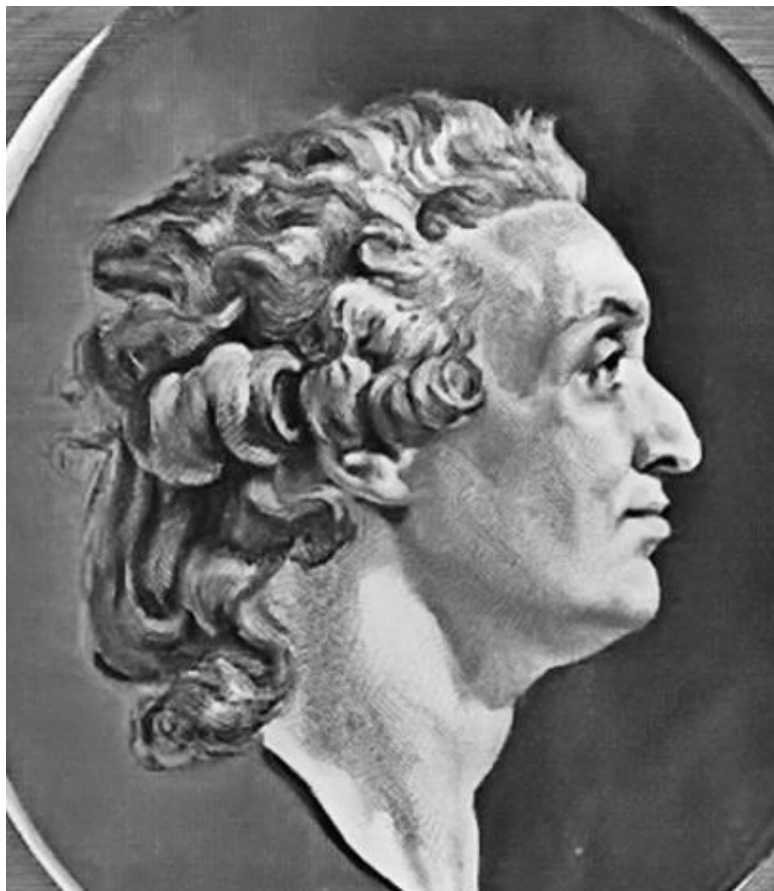

Праздник 14 июля 1790 года. Шарль Тевенин. 1795 г. Музей Карнавале

Но Революция не послушалась великого оратора. Она стремительно катилась дальше. И в Якобинском клубе уже не было места для монархистов. Барнав и его сподвижники вынуждены были покинуть клуб.

После принятия Конституции состоялись выборы в Законодательное собрание. В Собрании в большинстве оказались депутаты от департамента Жиронда – самого большого департамента материковой Франции. К жирондистам при-

мкнули великие интеллектуалы Собрания, начиная с маркиза Кондорсе.

Марикз Кондорсе.

Гравюра XVIII в.

Маргерит-Эли Гаде.

Гравюра XVIII в.

*Жан Мари Ролан де Ла Платьер.
Неизвестный художник XVIII в.*

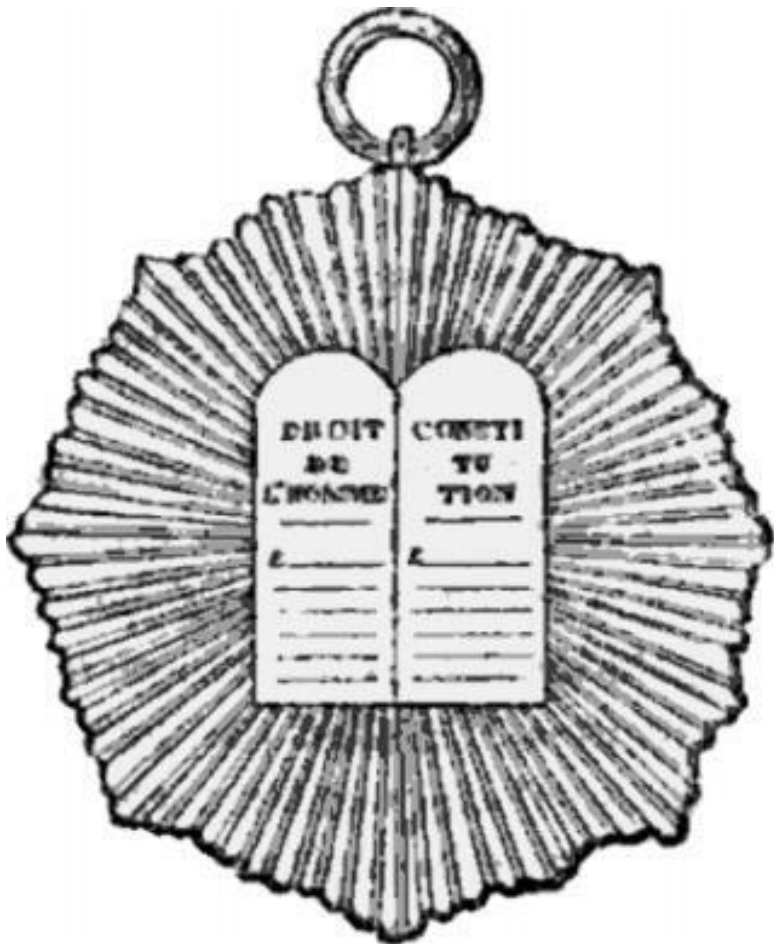
*Пьер Верньо.
Рисунок XVIII в.*

*Арман Жансонне.
Гравюра XVIII в.*

*Клод Фоме.
Гравюра XVIII в.*

*Медаль члена
Законодательного собрания.*

Оплот жирондистов – салон самой умной женщины Европы – мадам Ролан. Эти просвещенные богатые буржуа считают, в отличие от монархистов, что революцию останавливать рано. Ее следует продвинуть, но немного. Надо убрать декорацию – этого безвластного короля, который по новой Конституции все еще является номинальным главой Франции.

Короля следует низложить, но мирно, без крови. Во Франции должна быть Республика, которой будут править они – просвещенные буржуа.

И они придумывают.

В это время прусский король и австрийский император встретились в старинном саксонском замке. Они объявили, что будут поддерживать Людовика Шестнадцатого всеми имеющимися у них средствами.

Жирондисты тотчас предложили нанести превентивный удар по этим врагам Франции. Они предлагают (как впоследствии большевики) принести на штыках революцию в Европу. Они верят, что великое знамя Французской революции – знамя свободы – разбудит всеевропейскую Революцию.

Коварство плана заключалось в том, что официальным врагом Нации становился теперь австрийский император – то есть родной брат королевы! Он будет сражаться с фран-

цузскими войсками. К нему, конечно же, примкнул сбежавшие из страны принцы – братья короля. И тогда «австриячка» и король поневоле окажутся под подозрением в измене.

(Как у нас во время мировой войны «немка» Александра Федоровна). Про «королевский заговор» заговорит вся Нация, и королю придется добровольно уйти. «Мавр удалится».

Вот тогда можно будет закончить революцию.

Но повторим снова и снова:

люди не управляют Революцией,
Революция управляет людьми.

И пока третье сословие готовилось стать официальной Властью, на арену Истории вышла новая сила. Историки часто называют ее четвертым сословием. Это парижская беднота – голь, люмпены, низы общества.

Вольнолюбивые аристократы, просвещенные философы, богатые буржуа, устроившие революцию, не поняли ее обязательного закона: угнетенные, которых они вчера освободили, сегодня сами хотят стать хозяевами и ненавидят вчерашних освободителей.

Приближался апофеоз – Революция гнева и мести темных низов.

И жирондисты, вчерашние любимцы Революции, теперь – ее незаконные дети.

Центр революции переместился в Якобинский клуб.

Нынче здесь заправляли радикалы. И во главе – их новые боги, вожди Революции гнева и мести.

Кто они? Робеспьер. Он очень изменился. Исчезла патетика. Теперь это оратор с негромкой (знает – будут слушать!) логической речью и пронзительным гипнотическим взглядом. Рядом с ним человек-громада – Дантон. У него волосы, похожие на шерсть вепря, лицо страшное, как сама Революция, и громоподобный голос.

Третий – блестящий журналист, вчерашний адвокат Камиль Демулен. В его облике было нечто романтическое, нежное, женственное.

И, наконец, самый влиятельный – Марат, друг народа. Этот маленький человек с безумными глазами был талантливым врачом. И парадокс: главным чувством этого представителя самой гуманной профессии была ненависть. Ненависть к тем, кто находился на вершине.

Когда Марат начинал свою революционную карьеру, он ненавидел Вольтера и смело обличал этого властителя дум Европы. Потом ненавидел и обличал Лафайета – в дни великой славы героя. Затем ненавидел и обличал Мирабо, когда голос графа стал голосом революции. Но в те годы Марат был неизвестен и его ненависть мало кого интересовала.

N° 224.

L'AMI DU PEUPLE,

O U

LE PUBLICISTE PARISIEN,

JOURNAL POLITIQUE ET IMPARTIAL,

Par M. MACAT, auteur de l'Offrande à la Patrie,
du Moricour, et du Plan de constitution, etc.

Vitam impendere vero.

Du samedi 18 Septembre.

Expédition nocturne contre l'Ami du Peuple.

Assemblées nocturnes des ennemis de la révo-
lution aux Invalides.

Événement.

Le 14, à neuf heures du soir, l'un des cinq mille espions à qui le divin Bailly sert de père, informa le général de l'Armée Parisienne, que l'Ami du Peuple avoit sous presse un Numéro où il étoit peint avec des couleurs assez sombres, & où l'écrivain incendiaire rapportoit un trait de patronage de l'illustre commandant, qui avoit tout l'air d'une trahison. A l'instant le digne emule de Washington, le héros Américain, le grand général, l'immortel restaurateur de la liberté Française, fait endosser l'habit national à trois cents pousse-culs, infanterie & cavalerie; il met à leur tête un Sr. Grandin,

(2)

commissaire au châtelet, c'est-à-dire inquisiteur public, & un membre du comité municipal des recherches, puis il les charge de l'expédition patriotique, de violer l'asyle de deux citoyens, de dévaliser l'imprimerie du Sr. André, & l'hôtellerie de la dame Meugnier. Voici un léger croquis de ces expéditions patriotiques, qui courent de gloire l'illustre commandant.

Le 15, à une heure du matin, les 300 fonteneurs du patriotisme de Motier, s'emparent de la rue & des défilés: un mouchard filé s'avance doucement jusqu'à la porte de l'imprimerie, & frappe trois coups: on descend, qui vive? Ami, ami. Séduit par la voix pateline, on ouvre. A peine la porte est-elle ouverte que les espions en uniforme se précipitent dans l'allée d'un air triomphant: en un clin-d'œil la maison en est pleine, & la joyeuse bande escalade l'escalier, elle trouve les ouvriers occupés à tirer le redoutable Numéro. Elle se saisit de tous les exemplaires & des formes; elle furete dans l'imprimerie, passe dans l'appartement du Sr. André, le force de se lever la bayonnette sur la poitrine, fouille dans tous les coins: se met à verbaliser, & commence à démonter les presses à grands coups de haches dont elle étoit pourvue. Le Sr. André accourt & demande l'exhibition de l'ordre de dévaliser son imprimerie. Sept à huit satellites répondent qu'ils ont le droit d'enlever & les presses & l'imprimeur. Il insiste: alors, le nommé Grandin tire de sa poche un papier: c'est un ordre du comité des recherches signé Bailly et la Fayette, qui lui enjoint de se transporter avec main forte chez le Sieur André,

Газета «Друг народа»

Теперь же его знала вся Франция. Он начал издавать яростную газету «Друг народа», давшую прозвище самому Марату. Газету, исполненную ненависти к богатым буржуа.

«Друга народа», с его кровавыми призывами, жадно читала беднота. Робеспьер заметил: «Марат макает перо в кровь». «Друг народа» насмешливо ответил: «Бедняга, ты еще не дорос до меня».

И правда, в это время Марат возвышался над всеми радикалами. Каждый день его газета, обращаясь к Нации, твердила: «Народ слеп, но обязан раскрыть глаза». «Ныне вместо аристократии родилась новая аристократия – аристократия богачей. Истинному революционеру должно ненавидеть тех, кто носит кюлоты. Смертельно ненавидеть!» (Кюлоты – брюки длиной чуть ниже колен, которые носили аристократы и богатые буржуа.)

«Нападайте на тех, у кого есть кареты, лакеи, шелковые камзолы. Вы можете быть уверены: это враги! Убивайте их!»

«Грабьте лавки новых аристократов – богатых лавочников. Ты вправе это делать, великий народ!»

«Грабь награбленное» – вечный лозунг революций!

Марат не успевал предупреждать Нацию: «заговоры – повсюду, заговоры против свободы». «Надо убить как минимум сорок тысяч роялистов во имя безопасности Революции». Потом число возрастет до шестидесяти тысяч. Затем призовет к убийству двухсот тысяч...

Марат писал: «Свобода – это революционный тиран, и ныне должна быть великая тирания свободы». «Друг народа» призывал патриотов вспомнить великие времена Революции – штурм Бастилии... Вспомнить о гневе и ненависти – главных чувствах истинного революционера.

Пока жирондисты упивались блестящими речами в Законодательном собрании, Марат и Якобинский клуб готовили время гнева и ненависти. Время истинной Революции!

Как изменилась в это время парижская улица! Исчезли камзолы дворян – они боятся ходить в них по улице. Улица стала черной. Напуганные люди предпочитали носить куртки бедноты... После беспощадных статей Марата пропали и дворянские кюлоты. Теперь по улицам ходили санкюлоты (*фр. sans-culotte* – *букв. «без кюлотов»*) – люди в черных куртках, длинных брюках и фригийских колпаках (фригийский колпак носили в Древнем Риме вчерашние рабы получившие свободу). Таков нынче был костюм истинного революционера.

В это время революционные войска постоянно терпели поражения.

И все, что предполагали жирондисты, свершилось. Народ поверил, что поражения – это результат измены во дворце, что королевская семья – в сношениях с наступавшими на Париж войсками интервентов. Недаром в них служили бежавшие принцы.

В Законодательном собрании жирондисты предложили жестокие законы против бежавших эмигрантов.

Людовик же, воодушевленный успехами австро-прусской армии, впервые был решительным. Он отказался подписать декрет против эмигрантов и посмел отправить в отставку министерство жирондистов. Как когда-то удаление Неккера,

отставка правительства подожгла фитиль.

20 июня 1792 года тысячи жителей предместий вместе с толпами парижан пошли на Тюильри. Черная толпа затопила парк и ворвалась во дворец.

Состоялась постыдная сцена. Король Франции в течение двух часов покорно сносил издевательства и брань черни. Его открыто оскорбляли – обвиняли в измене. Потребовали, чтобы он напялил фригийский колпак.

И король Франции послушно надел шапку римских рабов. Ему велели выпить за здоровье Нации. Король послушно выпил.

Сцену штурма дворца с пандуса парка Тюильри наблюдал безвестный артиллерийский офицер. Но революция – кудесница. Пройдет всего несколько лет, и он будет жить в этом дворце – дворце королей.

Тогда, глядя на бесчинства толпы, офицер сказал: «Какой олух! У него были пушки. Достаточно было одного залпа, чтобы рассеять пятьсот этих каналов, остальные разбежались бы сами».

Но для этого залпа нужно было быть Наполеоном... Так прошел первый поход на королевский дворец. Однако восстановить в должности жирондистских министров король «с недеятельным мужеством» отказался.

Теперь по всей стране разворачивалось движение против

королевской власти. И жирондисты верили – осталось последнее усилие, чтобы покончить с королем. И тогда можно будет покончить с Революцией и Анархией.

Лидер жирондистов Верньо выступил в Собрании:

«...От имени короля французские принцы пытались поднять все дворы Европы против Нации... Спешат прийти на помощь королю эмигранты, добиваются назначений и получают их в австрийской армии и готовятся нанести удар своей Родине прямо в сердце... это во имя короля свобода подвергается нападению... Но я читаю в Конституции...: Если король встанет во главе армии и направит ее силы против народа, или если он не воспротивится против такого акта, совершаемого во имя его, он будет признан отрекшимся от королевской власти».

В это время революционные войска продолжали позорно отступать. Объединенная армия австрийцев и пруссаков под водительством принца Брауншвейгского стремительно шла к Парижу.

Антуанетта пишет истерические письма – призывы к брату императору Леопольду, Ферзену, принцу Брауншвейгскому. Умоляет и требует действовать, спешить. Сообщает, что после похода черни на Тюильри вопрос идет об их жизни и смерти...

И тогда принц Брауншвейгский обратился с манифестом к населению Парижа. В составлении этого знаменитого документа, полного ярости и угроз, участвовал и тот, кто «любил ее больше жизни», – граф Ферзен...

Несколько слов о Ферзене. После неудачного бегства семьи он был обвинен в похищении короля и объявлен вне закона. За его голову назначили огромную сумму. Появиться в Париже для него – самоубийство. Но он написал ей, что придет. Она умоляла не приезжать, но знала – придет!

Граф Ферзен появился в Париже. И самое чудесное – проник в Тюильри, охраняемый день и ночь Национальной гвардией...

Как следует из дневника графа, в Тюильри он провел с ней ночь. Последнюю их ночь.

На следующий день он увиделся с королем и предложил организовать новое бегство. Но король отказался, «как честный человек». Он дал слово Национальному собранию – не пытаться более бежать. Слово короля – нерушимое слово...

Вернувшись благополучно за границу, Ферзен участвовал в составлении беспощадного манифеста. Манифест объявлял, что депутатов Национального собрания будут судить по законам военного времени. И если хоть один волос падет с головы короля, ответит весь Париж. Месть будет беспощад-

ной. Парижа не станет, и все население погибнет вместе с городом.

*Граф Ферзен. Карл Фредерик фон Бреда.
XVIII в. Замок Лофштадт*

Авторы манифеста не понимали Революцию. Трудно было придумать более мобилизационный текст. Унизительные угрозы объединили Францию. Хуже этого манифеста ничего не могло быть для несчастной семьи...

Приближался последний акт драмы Революции.

10 августа наступила развязка.

Уже в первые дни августа во дворце стало известно, что готовится новый поход революционной толпы.

Король подсчитал защитников Тюильри. Их было немного. Это прежде всего тысяча умелых и храбрых швейцарских гвардейцев. Пришли на подмогу аристократы – около тысячи человек, в основном старики, сохранившие понятие о долге и чести.

Наконец, революционная Национальная гвардия, обязанная не только караулить семью, но и охранять дворец и семью формального главы Нации. Командовал гвардией маркиз Манда... И хотя он приказал гвардейцам выполнять свой долг и охранять порядок, было неясно, исполнят ли они приказ.

Но в Тюильри не знали самого главного. Ночью произошло событие, изменившее ход истории и судьбы множества людей, бывших тогда революционной властью.

В Париже победил переворот, который подготовили якобинцы...

Как у нас накануне Октябрьской революции Петроградский Совет был захвачен большевиками, так и во Франции Парижскую коммуну (мэрию) захватили с оружием в руках.

Ночью в Коммуну явились вооруженные представители секций (районов, на которые был разделен город). Они объявили себя новой парижской властью и изгнали прежнее руководство. Глава Коммуны Петион (тот самый, который сопровождал семью в Париж после неудачного бегства) был арестован.

Победители тотчас вызвали в Коммуну командующего Национальной гвардией, охранявшей Тюильри.

Маркиз Манда пришел в мэрию и был поражен. Он не увидел никого из тех, с кем привык общаться. С ним говорили совершенно новые, неизвестные ему люди. Правда, они были широко известны в своих секциях.

Офицер Национальной гвардии в саду Тюильри. 1814 г.

Дворец Коммуны (Отель-де-Виль) теперь заполнили каменотесы, лавочники, пивовары, граверы, мелкие ювелиры, неудачливые журналисты и прочие.

Это было то самое *четвертое* сословие, захватившее власть в Париже. Они нынче – законные дети Революции.

Вожди этих вчерашних люмпенов – якобинцы Марат, Робеспьер, Дантон. С ними сотрудничали самые крайние радикалы, прозванные «бешеными».

Пришедший в Коммуну командующий Национальной гвардией маркиз Манда в Тюильри не вернулся. В новой повстанческой Коммуне маркизам. С ним поступили по-якобински – маркиз Манда был убит.

А командовать Национальной гвардией назначили верного человека – человека из повстанческой Коммуны. С этого момента гвардия находилась в руках повстанцев.

И встало солнце десятого августа.

В Париже стояла невероятная жара. В этот день и солнце было кровавым...

Накануне Антуанетта попросила короля вдохновить защитников.

(Похоже поведет себя наша императрица... Когда Царское Село потонуло в восстании, последняя царица ночью

обошла считанных защитников Александровского дворца – ободрила их перед возможным штурмом.)

И король обошел защитников дворца. Но лучше бы он этого не делал. Король был жалок, он вызывал только презрение...

На рассвете начался несмолкаемый набат. Ударили колокола церквей. Неисчислимая толпа надвигалась на дворец.

События понеслись стремительно.

Законодательное собрание непрерывно заседало в здании Манежа – совсем рядом с дворцом, в конце парка Тюильри.

Оттуда во дворец явились посланцы жирондистов. Королю и семье предложили покинуть дворец – укрыться в Законодательном собрании. Перейти под защиту законодательной власти.

Но это означало конец власти короля. Она – в ужасе... Но он...

Людовик колебался недолго. Он сказал только одно слово: «Пойдемте».

И они пошли через парк Тюильри.

В последний раз они шли по своему парку – парку королей. Швейцарцы в красных куртках с ружьями образовали коридор через весь сад.

Людовик обходит верные войска. Гравюра XIX в.

Сквозь этот живой (пока живой) коридор двигалась процессия. Впереди – толстый человек – король! Держась за его руку, шаловливо подпрыгивал мальчик – дофин. Очень рано опала листва в том году... Опавшие листья были собраны в кучки, и мальчик, смеясь, вырывался из отцовской руки, шалил – ударом ножки разорял собранные садовниками кучи.

За мужем и сыном в белом платье, перехваченном высоким поясом, в шляпе с перьями, грациозно, будто танцуя, шла Антуанетта под руку с молодой красавицей. Это – герцогиня Ламбаль...

А где же остальные «наши»? Госпожа Полиньяк с лазоревыми глазами, граф д'Артуа и прочие успешно бежали за границу. Герцогиня Ламбаль тоже благополучно уехала в Лондон. Но не смогла оставить в одиночестве любимую королеву. И вернулась!

За ними – молодая женщина, державшая за руку дочь короля. Это сестра короля Елизавета...

– Очень много листвы разбросано на дорожках. Когда мы вернемся во дворец, надо непременно сделать замечание садовникам, – сказал король.

А сестра Елизавета ответила:

– Мы никогда сюда не вернемся, сир...

Они вошли в Собрание, и председатель объявил:

– Король и семья перешли под защиту Законодательного собрания. Власть короля приостановлена.

В Собрании не знали, где их посадить. По Конституции король не имел права присутствовать на заседаниях Собрания. Пришлось отправить их в комнату протоколиста. Это была крошечная душная комната. И в жаре, в страшной духоте королевская семья слушала, как решалась ее судьба.

В это время бой шел уже в самом дворце. Король запретил стрелять в толпу из орудий. Толпа теснила швейцарцев, а они, тысяча человек, очень метко и очень успешно отстреливались из ружей. Наступил момент, когда казалось, что они отобьют атаку. Швейцарцы уже оттеснили толпу из дворца на площадь Каррузель и захватили пушки, брошенные нападавшими...

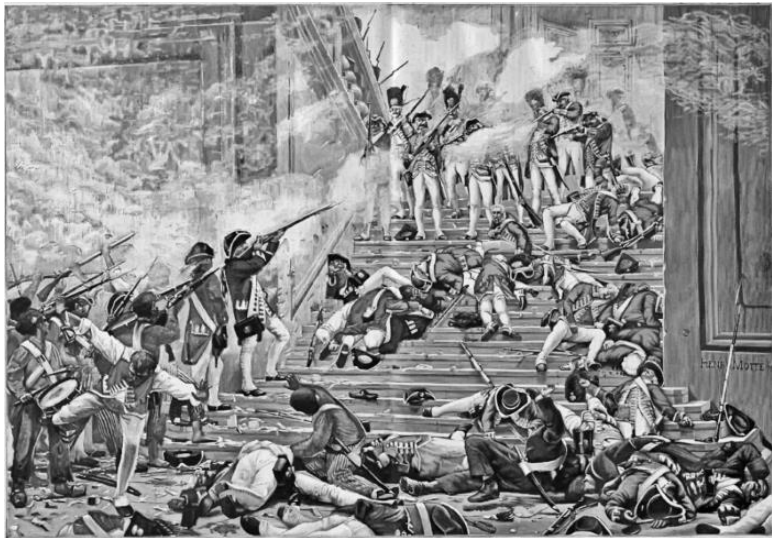

Мадам Елизавета. Аделаида Лабиль-Жиар. 1788 г. Лувр

Но в этот момент подошли марсельцы. Это был полк, который пришел из революционного Марселя. И с песней, которая станет гимном Франции – «Марсельезой», – они двинулись в решающую атаку.

В Законодательном собрании напомнили королю, что во дворце идет бой... Забывчивый монарх написал на клочке бумаги: «Король приказывает своим верным швейцарцам сложить оружие и вернуться в казармы».

Но было поздно. У швейцарцев заканчивались патроны... Они попытались отступить через дворец в парк. Однако там их ждали и рубили конные жандармы. Некоторые хотели сдаться, но толпа не знала пощады, убивала сдававшихся. Озверевшие победители насаживали головы на пики, рвали на сувениры мундиры мертвецов, украшали ими штыки...

Марсельцы наступают. Гравюра XIX в.

Семьсот шестьдесят швейцарцев погибли на поле боя и потом – в парижских тюрьмах...

В Люцерне в скале стоит памятник – умирающий лев со страдающими человеческими глазами. На нем посвящение: «Верности и отваге». И цифра 760.

На разграбленном, разгромленном дворце Тюильри повесили веселую надпись Революции: «Сдается внаем».

Законодательное собрание должно было решить судьбу короля.

Новая Парижская коммуна тотчас потребовала арестовать королевскую семью.

Как тотчас после отречения Николая потребовал арестовать царскую семью недавно созданный Петроградский Совет.

Царь и царица были арестованы Временным правительством, судьбу России и царя должно было решить Учредительное собрание, избранное всеобщим голосованием.

Судьбу короля должен был решить Национальный конвент, избранный всеобщим голосованием.

Королевскую семью отвезли в Тампль – очаровательный дворец принца Конти. Здесь устраивались концерты, балы, здесь играл мальчик Моцарт...

Но Законодательное собрание, опасавшееся вооруженной Коммуны, поселило их не во дворце, а в башне Тампля, которая стала их первой тюрьмой...

Тампль, как и многое, связанное с кровью Великой французской революции, больше не существует. От древнего замка остался только силуэт, начертанный на асфальте мостовой, и сквер, разбитый на месте дворца.

Марат сказал очень важные слова о народе: «Народ должен быть все время возбужден, чтобы им легче было управлять».

И «Друг народа» продолжал ежедневную компанию ненависти. Он писал о том, что отечество в опасности. Но когда патриоты-санкюлоты уйдут на фронт драться с врагом, сидящие в тюрьмах Парижа заговорщики-роялисты вырвутся на свободу и освободят проклятую семью.

«Они будут убивать ваших детей. Они будут насиловать ваших жен!»

Королевскую семью ведут в Тампль. Гравюра XIX в.

Марат призывал патриотов не уходить на фронт, «не свершив народного суда над врагами Отечества, затаившимися в тюрьмах».

Народ откликнулся на кровавый призыв Марата.

Второго сентября семья в башне Тампля услышала набат. В этот день в Париже началась новая Варфоломеевская ночь. Во всех тюрьмах столицы сто двадцать часов убивали роялистов и священников.

Были образованы самозванные народные суды, быстро решавшие судьбы заключенных. После коротких вопросов раздавалась команда народного судьи: «Отвезти в аббатство».

Сентябрьская резня. Неизвестный художник. 1793 г.

Несчастный шел к выходу. Его выводили за ворота тюрьмы, а там его ждала обезумевшая от крови, ревущая толпа черни с пиками, топорами и камнями... Они забивали жертву, раздевали догола, делили одежду, снимали перстни, обыскивали карманы...

У тюрем выросли горы трупов, текли ручьи человеческой крови.

Герцогиню Ламбаль разбудили ночью. Суд был обычный, краткий. Последовала команда: «В аббатство».

Как только она вышла за ворота... озверевшая толпа поработала на славу. Ее били камнями, насиловали умирающую. Потом резали тело – вырвали сердце, отрезали голову и отрубили кусок плоти.

Голову с завитыми волосами, испачканную навозом, вырезанное сердце и кусок плоти с половыми органами понесли на пиках к Тамплю – «радовать австрийскую шлюху».

Антуанетта увидела в окно ее голову и упала без чувств.

Пока шли выборы в Конвент, в Законодательном собрании разгоралась борьба. Это была обязательная борьба революционеров друг с другом. Жирондисты сражались с якобинцами. Они обвиняли Марата и Дантона в подстрекательстве к убийствам незащищенных людей. Из двух тысяч восьмисот сидевших тогда в тюрьмах половина была убита...

Дантон отвечал: «Мы будем убивать священников и аристократов не потому, что они виновны, а потому, что им нет места в будущем».

Робеспьер сказал: «Кто посмеет упрекать в беззаконии народ? Кто посмеет указать точную границу, о которую должны разбиться волны народного насилия? *Насилие равновелико самой революции.* Оно столь же незаконно, как и сама революция, как свержение трона и взятие Бастилии! Оно столь же незаконно, как и свобода!»

Что ж, Робеспьер был прав – великая Революция порожд-

дает великое насилие.

Двадцатого сентября в Тампле вновь услышали набат, крики толпы и бой барабанов.

Разутая, нищая республиканская армия под началом генерала Дюмурье разбила победоносную армию герцога Браншвейгского.

Гете, присутствовавший при сражении, сказал: «Мы видим рождение нового мира».

Двадцать первого сентября собрался избранный Национальный конвент, который провозгласил: «Король низложен». Франция была объявлена республикой.

И опять непрерывно били колокола и кричала толпа...

Нация хоронила монархию.

В избранном Конвенте большинство было снова у жирондистов, но они становились безвластны. «У кого ружье, у того и сила». Национальная гвардия подчинялась парижской мэрии – то есть якобинцам.

Конвентом теперь открыто управляло вооруженное меньшинство – Якобинский клуб...

Скамьи депутатов-якобинцев в Конвенте располагались наверху, поэтому их фракция получила название «Гора». Сверху, с этой Горы, теперь будут лететь смертельные молнии, которых страшились депутаты, не примкнувшие ни к

тем, ни к другим. Их называли презрительно – «болото». Жалкие болотные лягушки.

События шли предсказуемо. Революция спешила повторяться. Как английские революционеры осудили Карла Первого, так республиканский Конвент решил осудить короля.

Суд над бывшим королем Людовиком Шестнадцатым (именовавшимся теперь гражданином Капетом) символически проходил во дворце королей – Тюильри. Как и Тамплль, откуда привозили короля на суд, этот дворец ныне не существует.

Это был процесс, который, по выражению одного из адвокатов короля, стал «процессом целой Нации против одного человека».

Законники-жирондисты снова заявили о «неправомочности судить короля». «Особа короля, согласно действующей Конституции, была неприкосновенна и неподсудна». «Если сегодня осудить незаконно короля, завтра можно осудить незаконно простого гражданина»

Робеспьер возражал: «О ирония судьбы! Казнь тирана, которая должна нас объединить, является яблоком раздора... Здесь много говорят о законах... Но тиран Цезарь был зарезан двадцатью ударами кинжала без всякого закона. Точнее, на основании высшего закона – закона свободы. Я хочу обратиться к депутатам Жиронды. Как радуются наши враги,

увидев, как дрожит в наших руках секира Революции. Называя его неприкосновенной особой, вы чтите воспоминание о своих цепях. Король – призрак прошлого. Призрак должен исчезнуть!»

Жирондисты попытались включить в обсуждение народ: «Но вопрос идет о казни главы государства. Должно быть всенародное голосование... Это голосование поставит наш приговор под охрану Нации... Вспомните урок английской Революции. Там не было народного плебисцита. И что же? Прошло не так много лет после казни Карла Первого, когда английский народ вернул монархию... И обвинил каздивших».

Тогда к трибуне бросился Камиль Демулен: «Нас смеют пугать непостоянством. И кого? Нашего великого народа? Это оскорбление Нации. Я не допускаю мысли, чтобы честная Нация, пославшая нас на штурм тирании, нас же потом преследовала! Никогда французы не будут так несправедливы! Никакого обращения к Нации. Решим здесь и сейчас!»

И состоялось голосование. Вожди якобинцев – Марат, Робеспьер, Дантон, Демулен – естественно, голосовали за казнь.

Ближайший родственник короля герцог Орлеанский – глава младшей ветви Бурбонов... Все были уверены, что он воздержится, он имел на это право. Но герцог сказал: «Я убежден: всякий, кто посягает на самодержавие народа, заслуживает смерти. Я голосую за смерть».

Гражданин Капет был приговорен большинством голосов.

Король попросил три дня, чтобы проститься с семьей. Ему дали двадцать четыре часа.

Ночью он написал завещание. Я видел его в парижском архиве. Завещание написано поразительно ровным, совер-

шенно бесстрастным почерком.

В завещании король просил прощения у жены за то, что стал причиной ее бед. Он обращался к своему сыну и просил никогда не мстить за его смерть...

То же завещает и наш последний царь. Как писала великая княжна Ольга: «Государь просил не мстить за него. Он всем простил».

Составив завещание, остаток ночи король спал. Как расскажет камердинер, он спал спокойным и крепким сном.

На рассвете в карете вместе с духовником король Франции отправился на гильотину.

Карета была окружена двойным строем кавалеристов...

Гильотину установили возле все того же дворца королей Тюильри, на месте, где прежде стояла статуя Людовика, возлюбленного народом, и рядом с новой, революционной статуей Свободы.

Площадь затопили тысячи парижан.

Эшафот был плотно окружен Национальной гвардией.

На эшафоте король вел себя достойно. Он подошел к краю и обратился к народу: «Французы, я умираю невинным. И прошу Господа...»

Но тут, по знаку командующего Национальной гвардией, раздался грохот барабанов. Король пытался еще что-то ска-

зять, но палач с помощниками потащили его на доску.

Палач дернул за веревку, и лезвие гильотины полетело на голову короля Франции. Голова упала в корзину...

Вначале хотели, чтобы при падении королевской головы раздался пушечный залп. Но Робеспьер сказал: «Голова короля не должна производить больше шума, чем голова простого смертного».

Казнь Людовика XVI. Гравюра XIX в.

И выстрел отменили.

Вместо выстрела палач Сансон обносил эшафот головой короля. Толпа восторженно орала, люди мочили платки в королевской крови. Обезглавленное тело отвезли на телеге в общую могилу на кладбище у церкви Маделен.

С этого момента гильотину больше не убирали с площади. Две красные кровавые балки с висящим топором грозили городу.

События продолжали нестись. Победитель интервентов генерал Дюмурье не согласился с казнью короля. Он изменил Республике, бежал из армии. До него бежал из революционных войск другой несогласный – человек-символ, герой борьбы за независимость Америки, генерал Лафайет...

В Конвенте продолжалась неминуемая битва детей Революции. Если до того была борьба идей, то теперь началась борьба лжи.

Ценой поражения в этой схватке была жизнь.

Робеспьер и якобинцы обвинили жирондистов в заговоре вместе с изменником Дюмурье... Робеспьер лгал и знал, что он лжет. Так же, как лгали жирондисты, пытаясь обвинить в измене его и Марата.

20 Janvier 1793.

Je demande ~~à la Convention Nationale~~ un délai de trois jours pour
pouvoir me préparer à paraître devant la présence de Dieu. je
demande pour cela de pouvoir voir ^{librement} la personne que j'indiquerai aux
Commissaires de la Commune, et que cette personne soit à l'abri de toute
inquiétude et crainte. pour cet acte de charité qu'elle remplira auprès de
moi. je demande ~~à la Convention Nationale~~ d'être délivré de la
surveillance perpétuelle que le Conseil Général a établie depuis quelques
jours.

Je demande dans cet intervalle à voir ma famille quand je te
^{demanderais} ~~demanderai~~ ~~et sans témoins~~ ~~convois~~. je désirerois bien que la Convention
Nationale s'occupât tout de suite du sort de ma famille, et qu'elle lui
permît de se retirer librement et convenablement où elle le jugeroit à
propos.

ARCHIVES
DE LA
REVOLUTION

Je recommande à la bienfaisance de la Nation toutes les personnes qui
ne étoient attachées, il y en a beaucoup qui avoient mis toutes leur
fortunes dans leurs charges, et qui n'ayant plus d'appointements
doivent être dans le besoin, et même de celles qui ne vivoient que
de leurs appointements. Dans les pensionnaires il y a beaucoup de
vieillards de femmes et d'enfants qui n'avoient que cela pour vivre.
à la Tour du Temple le 20 Janvier 1793.

D

Louis

Письмо Людовика XVI, написанное накануне казни. Национальный архив Франции.

Но в этой битве революционеров друг с другом впервые поучаствовали пушки! По приказу подвластной якобинцам Парижской коммуны Национальная гвардия привезла орудия к Конвенту. Под дулами пушек депутатам было предло-

жено исключить «изменников-жирондистов» из Конвента.

Изменниками теперь назывались те, кого прежде величали вождями революции...

Пушки сделали свое дело. Испуганное «болото» поддержало Гору. Немного поупрямились, но проголосовали как надо.

Так начался путь революционеров-жирондистов на революционную гильотину. Они были арестованы, и двадцать два знаменитых революционера отправились в тюрьму Консьержери, куда совсем недавно сами посылали врагов Революции...

В Консьержери прошла их последняя ночь. Они пили, пародировали речи Робеспьера, шутили, писали письма к возлюбленным. Как сказал палач Сансон, казней стало так много, что люди вместо того, чтобы плакать, начали смеяться.

Их везли на гильотину, и они пели в телегах революционные песни и славили Революцию. Толпы народа, заполнившие улицы, проклинали их... и пели те же революционные песни и славили Революцию.

На эшафоте жирондист Верньо, вчерашний глава Национального собрания, произнес бессмертную фразу: «Революция, как бог Сатурн, пожирает своих детей». И, обращаясь к оставшимся великим революционерам, которые послали их на эшафот, добавил: «Берегитесь, Боги жаждут!»

«Доска гильотины до того была залита кровью, что одно прикосновение к ней должно было казаться ужаснее самой смерти», – вспоминал палач Сансон.

Казнь продолжалась сорок три минуты. Этого оказалось достаточно, чтобы Республика лишилась своих основателей...

Теперь правили якобинцы. Конвент был безвластен. Жалкие «болотные» лягушки дрожали, ожидая очередную молнию с Горы.

Все это время верный «Друг народа» Марат продолжал свои призывы к крови. Но он забыл, что кровь порождает кровь.

Смерть Марата. Жак Луи Давид. 1793 г. Королевский му-

В полутемный двор его дома вошла высокая девушка с каштановыми волосами – Шарлотта Корде...

Знаменитая картина художника-революционера Давида. Марат лежит в ванной... Он уже при жизни испытывал адские муки. Его пожирала нервная кожная болезнь. Только ванна давала ему какое-то облегчение.

Шарлотта Корде на допросе. Неизвестный художник. XIX в.

Шарлотта написала Марату, что приехала из провинции – раскрыть заговор врагов Республики. Как он ждал ее! Она вошла и убила его одним ударом ножа. Такая была сила ненависти!

Предком Шарлотты Корде был великий Корнель, автор трагедий о героях, готовых жертвовать жизнью во имя справедливости и долга.

Шарлотта держалась на допросах с достоинством героев Корнея.

Когда ее спросили о соратниках, она с усмешкой сказала: «Неужели вы думаете, что моей ненависти к этому чудовищу было недостаточно? Дожив до почтенных лет, вы должны знать: плохо исполняется дело, которое не рождено *вашим* сердцем. Особенно если надо жертвовать жизнью. Я убила чудовище. Я убила одного, чтобы спасти сотни тысяч... Я республиканка. Я преклоняюсь перед великими принципами Революции и ненавижу ее крайности. Марат сеял ненависть в народе... Теперь его нет! И я с радостью отправляюсь на небо... Жизнь не дорога мне. Современники малодушны, и мало патриотов, умеющих умирать за отечество».

На гильотину ее везли в телеге палача. Толпа проклинала ее. Она была презрительно безучастна к ругани и крикам.

Она попросила палача не спешить: «Я ведь впервые в Париже».

На эшафоте она сама радостно бросилась на доску, «как в постель к любимому».

Она верила, что исполнила свой долг.

После гибели Марата началось революционное безумие.

В это время Республика была окружена пылающим кольцом. Наступали войска интервентов. Восстала крестьянская Вандея. Заполыхала огромная территория. Крестьяне, вооруженные порой одними вилами, героически сражались с революционными войсками... Восстал Лион. Сдался англичанам главный порт Франции – Тулон. И тогда произошло невероятное...

По предложению якобинцев само государство решением Конвента декретировало террор. «Террор – это лучший друг свободы, делающий свободу непобедимой», – сказал Робеспьер. Помешанный на добродетели, он объявил, что нынче «сама добродетель без террора ничто, так же как террор без добродетели... Террор страшен для врагов, но дисциплинирует друзей и создает единство».

Правил страной теперь уже не Конвент. Управляло Францией главное учреждение террора – Комитет общественного спасения во главе с Робеспьером. У Комитета были приводные ремни – Революционный трибунал, руководил которым общественный обвинитель Фукье-Тенвиль, и Комитет государственной безопасности, где одну из главных ролей играл художник-революционер Давид.

И началось... Они забыли про все, ради чего делали революцию. От великого лозунга «Свобода, Равенство, Братство или Смерть» осталась только «Смерть».

Свобода мнений, свобода собраний – все отменено. Закрыта Академия, та самая Академия, которая была символом Просвещения. Закрыты оппозиционные газеты...

Графиня Дюбарри. Гравюра XVIII в.

Террор обрушился на «недобитков» – роялистов, как учил

покойный Марат. Остатки аристократических семейств, не успевших бежать из Франции, поехали в телеге палача на гильотину.

Туда же отправили символ прошлого режима, несчастную графиню Дюбарри. Палач Сансон вспоминал, что ему пришлось слышать много рыданий в своей телеге. Но никогда он не слышал, чтобы так невыносимо горько плакала женщина.

На эшафоте она молила: «Минуточку, ну еще одну, хотя бы одну минуточку, господин палач!»

Мольба, которая потрясла Достоевского.

И, конечно, Мария-Антуанетта. Бывшую королеву перевели из Тампля в Консьержери. Незадолго до этого у нее отобрали сына.

Впервые забыв о гордости, как тигрица, сражалась она с охранниками, молила оставить ей мальчика. Отняли...

Дофина теперь воспитывал сапожник. Учил ругаться, петь революционные песни и называть шлюхами мать и тетку...

В Тампле Антуанетта часами ждала у окна, чтобы увидеть, как выводили сына на прогулку.

В Консьержери окна ее камеры тоже выходили во двор. Здесь, во дворе, шла жизнь. Заключенные во время прогулок стирали в маленьком фонтанчике, пили из него воду. Порой

здесь назначались любовные встречи.

Но она не выходила из камеры и в окно не смотрела. Она часами неподвижно сидела на стуле...

Суд над Антуанеттой – «вдовой Капет», как теперь ее называли, – был недолгим.

Обвинения порой звучали самые гнусные: «Погрязшая в разврате, она склоняла к прелюбодеянию собственного сына...»

Камера Марии-Антуанетты в тюрьме Консьержери

Но она выдержала даже это, сказала коротко:

«Отвечать этому господину – ниже человеческого достоинства».

Ее приговорили к смерти. Она ни о чем не просила. Молча ушла с гордо поднятой головой.

Всю последнюю ночь она не спала. Сначала написала письмо сестре короля Елизавете – свое завещание.

Я видел это письмо... Буквы часто расплывались – она писала и плакала.

«Четыре пятнадцать утра... Сестра, меня приговорили к смерти. Но смерть позорна только для преступников. А меня они приговорили к свиданию с Вашим братом... Я надеюсь умереть с таким же присутствием духа, как и он... Я прошу моего сына никогда не забывать последних слов своего отца. Вот эти слова: «Мой сын, ты никогда не будешь стараться отомстить за мою смерть». Напоминайте их ему чаще, дорогая».

Не забыла простить и она: «Я прощаю всех, причинивших мне зло. И сама прошу у Господа прощения за все грехи, которые совершила со дня рождения. Надеюсь, Он услышит мою молитву... Я думаю о том, что моя смерть принесет очень много горя моим друзьям. Но я прошу моих друзей помнить, *что моя последняя земная мысль была о них*».

Суд над Марией-Антуанеттой. Гравюра XIX в.

Так она простилась «с самым любящим и самым любимым человеком».

И в конце письма, уже обращаясь к Елизавете: «Боже мой, как тяжело расставаться с Вами! Прощайте, прощайте, прощайте!»

Робеспьер велел оставить главной моднице столетия всего два платья. Черное платье вдовы она носила каждый день. Белое приберегла на свой последний выход в свет.

Везли по улице Сент-Оноре, где в кофейной процессии поджидал художник-революционер Давид. Он не мог пропустить великий миг революции.

Тогда Давид и сделал бессмертный рисунок: Антуанетта в телеге со связанными руками. На голове – чепчик с черной лентой вдовы. Плечи прикрыты белой косынкой. А лицо... Какое лицо! Революция поработала на славу – королева рококо превратилась в старуху.

Сегодня мы можем увидеть ее тогдашнюю. Мадемуазель Тюссо, пока обедали гробовщики, успела – отлила в гипсе отрубленную голову Антуанетты.

Принцесса Елизавета не получила письма покойной королевы – ей его не передали.

*Мария-Антуанетта перед казнью.
Жак Луи Давид. 16 октября 1793 г.*

Революция не забыла и о ней. Сестру короля гильотинировали как участницу заговора против Республики, о котором смиренная принцесса не имела даже понятия.

Наконец настало и их время.

*Давид рисует Марию-Антуанетту перед казнью.
Неизвестный художник. XIX в.*

На революционную гильотину потекли потоки революционеров. Все конституционные монархисты, участвовавшие в Революции при ее праздничном «бархатном» начале, заняли места в телеге палача Сансона. И, конечно же, среди них был знаменитый оратор Барнав...

Началась охота на остатки жирондистов. Слово «жирондист» стало таким же бранным, страшным, как при большевиках слово «троцкист». Жирондистов искали, ловили по всей стране и отправляли на гильотину.

Великий Кондорсе спасался вдалеке от Парижа. Он долго прятался, наконец не выдержал заточения, решил прогуляться и зашел перекусить в таверну с томиком Горация в руках. Но истинный патриот сразу понял, что добрые граждане с Горацием не ходят... И отправился великий Кондорсе в тюрьму, где принял заботливо припасенный им яд.

Другой свободолюбец, жирондист, философ Шамфор зарезался.

Госпожа Ролан, красавица, муза жирондистов, конечно же, была арестована. Пол теперь не спасал...

В тюрьме она написала знаменитые мемуары. Когда ее привезли на гильотину, она сказала, что хочет записать удивительные мысли человека, поднимающегося на эшафот, и

попросила принести перо. Вокруг засмеялись, осыпали грязными ругательствами (во власти тогда было много простых людей из парижских секций)... Прежде чем лечь на кровавую доску, она сказала, глядя на монумент Свободы, стоявший впритык к гильотине: «Свобода, они и тебя забрызгали кровью..».

Не обошлось и без августейшего революционера герцога Эгалите. Его арестовали и отправили в Консьержери.

Камеры здесь распределялись по новым правилам. Богачи и вчерашние вожди революции сидели перед смертью привилегированно – в отдельных камерах.

В день казни герцог обедал, когда в камеру вошел палач Сансон. Истинный галл не может умереть голодным, так что ел герцог с большим аппетитом. На вежливые слова палача: «Я к вашим услугам, гражданин», он ответил насмешливо: «Ошибаешься, мой друг, сегодня я – к твоим».

Мадам Ролан. Неизвестный художник. XIX в.

Аристократы, осужденные в тот день на казнь, отказались ехать вместе с ним на смерть. Герцог поехал в телеге – один.

Толпа, еще вчера носившая его бюсты, проклинала его. Он только усмехался.

По приказу Робеспьера телега остановилась у Пале-Рояля – места, где рождалась Революция. Та самая революция, которая теперь отправила его на гильотину.

На его дворце красовалось объявление: «Народная собственность». Герцог, самый богатый человек во Франции, только рассмеялся...

На эшафоте он вел себя презрительно и бесстрашно. Впоследствии аристократы говорили о революционном герцоге: «Он жил как собака, но умер как потомок королей».

Тюрьмы Революции были переполнены.

Но находчивый общественный обвинитель и фактический глава Революционного трибунала Фукье-Тенвиль придумал, как разгрузить помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.